

Рубиновый лес

Кристалльный пик

Анастасия
Гор

РУБИНОВЫЙ
ЛЕС

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г67

Иллюстрации на обложке, форзаце,
нахзаце и в блоке *Ольги Павленко* (ultraharmonica)

Карта *Анны Лужецкой* (*Ааерупп*)

Дизайн переплета *Кати Петровой*

Гор, Анастасия.

Г67 Рубиновый лес / Анастасия Гор. — Москва : Эксмо, 2023. — 544 с.: ил.

ISBN 978-5-04-170905-1

Солярис — молодой дракон, которому Старшие поручили отомстить за гибель тысячи детенышей и принести смерть в королевский дом. Он был уверен, что разделается с новорожденной принцессой людей без колебаний, но ошибся. Схваченный стражей у ее колыбели, Сол был навеки проклят и привязан к принцессе Рубин нерушимыми узами. Теперь он способен летать лишь вместе с ней в качестве наездницы.

Спустя семнадцать лет на границе туатов появляется таинственный красный туман, в котором люди исчезают целыми поселениями. Почти совершеннолетняя принцесса Рубин, как наследница трона, обязана уничтожить страшную напасть. Ради этого Солу и Руби предстоит вернуться к самому началу и распутать клубок интриг обоих народов, чтобы узнать, почему Красный туман уже не остановить.

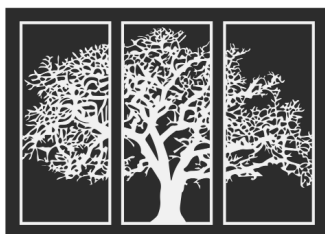
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гор А., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-170905-1

*Посвящается моему папе,
который научил короля Оникса
безмерно любить свою дочь,
а Медвежьего Стража — защищать слабых.
Мы встретимся в Надлунном мире.*

Пролог

Половину жизни Солярис считал, что ненавидит людей. Эта ненависть началась с молока.

— Ты будешь пить, братик?

Юта смотрел на него глазами, полными надежды, и давился голодной слюной так, будто не видел еды месяцами. Несмотря на то что домашний стол всегда ломился от сахарного тростника, инжирных пирогов и прочих сладостей, ничто не могло превзойти вкуса топлёного молока, на поверхности которого ещё плавали несцеженные сливки. Солярис прекрасно знал это, ведь знаменитая драконья слабость к молоку не обошла стороной и его. Однако он караулил разноцветные телеги купцов у главных ворот и отстаивал длинные очереди вовсе не ради себя, а ради того, чтобы сказать:

— Нет, я ведь купил его для тебя.

Юта ахнул и, поколебавшись лишь секунду для приличия, жадно приник ртом к тонкому горлышку, выхватив у Соляриса бурдюк. С его вылупления прошло всего-навсего несколько лет, потому он легко забывался от восторга: внезапно отращивал хвост в приступах радости, а иногда и вовсе не мог совладать с собственными конечностями, будто впервые принял человеческий облик.

Вот и сейчас молоко залило ему всё лицо, скатываясь под ворот рубахи жемчужными каплями, на что Сол рассмеялся, доставая платок: если он вернёт младшего брата в таком виде домой, то им обоим несдобровать!

— И всё-таки люди готовят самое вкусное топлёное молоко на свете, — воссиял Юта, быстро опустошив бурдюк

почти до самого дна. — Как хорошо, что они привозят его к нам в Сердце!

Драконий город под названием Сердце существовал больше десяти тысяч лет и, словно настоящее сердце, что билось в груди каждого живого существа, никогда не умолкал. Здесь трещали раскалённые угли под ступнями сородичей, кружащихся в танце, и пахло острыми специями, привезёнными из далёких краёв. Здесь каждый второй норовил напоить тебя медовухой, а каждый третий приходился тебе дальней роднёй. Здесь вращались искусные механизмы, изобретённые Старшими, и сторали пёстрые ткани, не выдерживая внутреннего жара тех, кто был в них одет. Здесь ковалось лучшее в мире оружие и эхом пела свирель, будящая раньше рассвета. А ещё здесь можно было купить всё на свете от самого дорогого дейдрреанского льна до вкуснейшего топлёного молока.

Всё это существовало столетиями... Но ис-

8 чезло за одну ночь.

— Братик... Мне что-то нехорошо...

По лицу Юты больше не текло молоко — по нему текла кровь. Солярис судорожно искал на теле брата раны, но их не было — кровоточил сам Юта, везде и отовсюду сразу. Тёмно-бордовая кровь лилась у него изо рта и носа, сочилась из-под ногтей. Она пузырилась на подбородке и, капая на ступени, шипела на камнях, источая пар. Эта кровь была слишком горячей даже по меркам драконов, в чьих жилах пылал солнечный огонь: Солярис несколько раз обжётся до волдырей, пытаюсь обнять Юту за плечи и остановить то, что остановить было невозможно.

— Смотри на меня, Юта! Я здесь!

Но брат не увидел бы его, даже если бы ещё не потерял к тому моменту сознание: брызжа из-под век, кровь залила ему глаза, окрасив в алый и белки, и золото радужки. Серебряная чешуя порезала Солярису руки: в судорогах Юта лихорадочно покрывался ею то тут, то там. А затем эта чешуя вдруг порвалась на нём, как изношенная одежда, и начала отслаиваться вместе с кожей и мясом от самых костей.

— Юта!

Спустя всего несколько минут Солярис держал на руках уже не брата, а безобразное месиво. Ни лица, ни чешуи, ни золотых глаз — только мокрые язвы, мгновенно разложившаяся плоть и молоко, пролитое из бурдюка вместе с Мором. Таких бурдюков на земле всего города лежало немерено, как и маленьких окровавленных трупов в окружении плачущих матерей.

Ночь Мора, когда тысяча детёнышей сделала свой последний глоток молока, стала самой громкой ночью в истории Сердца. Впервые драконы выли, как волки, и ненавидели так же сильно, как их, оказывается, ненавидели люди.

Больше Солярис никогда не слышал свирели и не вдыхал аромата острых специй. Всё, что окружало его с того дня, — это лязг мечей и кровь сородичей, в которой утопали тлеющие пёстрые ткани.

«Докажи, что драконов, рождённых в Рок Солнца, недаром считают особенными. Не подведи Старших. Не подведи Юту!»

Пролетая над лесом — последним, что отделяло Соляриса от замка Дейдрдре, — Сол едва сдерживал тошноту: сладость бузины смешалась со смрадом смерти. Он видел горящие факелы меж заснеженных деревьев и слышал рёв, с которым драконы вгрызались в воинов королевского хирда. Несколько сородичей погибло прямо на лету, подкошенные снарядами баллист, и Солярис взмыл ввысь, под самые облака, чтобы избежать удара. Как бы он ни хотел помочь, война не его удел.

Его удел — отмщение.

Кожистые крылья отбрасывали маслянистые тени, сгущая темноту, и, слившись с ней, Солярис быстро миновал гудящий лес. Тот стал рубиновым от крови, как и его любимый город.

«Война никогда не закончится, если мы не покажем человеческому роду, каково это — терять своих детей!»

Солярису минуло всего полвека: пускай тело уже окрепло, но едва ли он смог бы задавить и лошадь. На свете жили

драконы гораздо крупнее, и если раньше Сол мечтал вырасти до их размеров, то теперь гордился своей худощавой комплекцией: именно она позволила ему пересечь все девять туалетов и остаться при этом незамеченным. Благодаря ей же он бесшумно приземлился на синюю крышу башни-донжона, что возвышалась над замком Столицы в туалете Дейдрдре, сложил крылья и протиснулся в единственное стрельчатое окно.

Витражные стёкла посыпались с башни вместе со снегом.

Люди — жестокие, порочные звери, что хуже болезней... Но в этом крошечном существе, которое Солярис обнаружил в центре башни, не было ни порока, ни элементарных представлений о нём. Она пахла сливками и овсяным печеньем, как сладкое лакомство в зимний Эсбат, и даже не закричала, когда он спрыгнул с широкого подоконника и приземлился перед ней на передние лапы.

10 *Человеческий детёныш.* Значит, вот как они выглядят.

В подвесной колыбели, набитой лебяжьим пухом и меховыми подстилками, лежала крохотная девочка трёх месяцев от роду. Несмотря на поздний час, она не спала, но и не плакала тоже. Лишь тянулась ручками к резным фигуркам животных из черемухи и ольхи, свисающим с жёрдочки. Светлые волосы цвета морского песка топорщились, как петушиный хохолок, а глаза оттенком напоминали васильковые лепестки. Зависший над колыбелью Солярис видел в них собственное отражение — белоснежного зверя, пышущего жаром, из-за которого в башне становилось душнее, чем в городской бане, — но ничего больше. Драконы в этом возрасте не только гораздо крупнее, чем люди, но и умнее — они по крайней мере уже умеют бояться.

Солярис встрепенулся, вспомнив о том, зачем он здесь, расправил крылья и медленно занёс когтистую лапу. Дитя-то совсем мелкое, тоньше рыбьей косточки... Одного удара вполне хватит, чтобы рассечь тельце пополам, а хлесткого удара хвоста — чтобы разломать вместе с кроватью. Острая чешуя не оставит живого места.

Люди истребляют его род — он истребляет их. Они уничтожили беззащитных детёнышей — он отвечает тем же.

Солярис повторил это про себя несколько раз.

Люди истребляют его род — он истребляет их. Они уничтожили беззащитных детёнышей — он отвечает тем же. Они совершили зло — и он... он тоже совершает зло.

Огонь мира сего, какой же в этом смысл?!

— Схватить его!

На миг Солярис перестал видеть в глазах ребёнка васильковые лепестки и своё отражение — он увидел огонь. Такой же беспощадный, как война, и такой же рубиново-красный, как та кровь, что брызнула из его крыльев и боков, которые обвила стальная цепь.

Что за скверна? Это он принёс её с собой?..

— *Сияй, мерило небесное, зажги сердца своих сыновей!*

Солярис услышал хруст своих костей, топот дюжины воинов хирда и женское пение, несущее древний сейд. В тот момент боги навсегда отвернулись от него и обернулась судьба. У неё был невинный детский лик, но жилистые женские руки, пропитанные соком священных трав и помеченные ритуальными шрамами. Эти же руки крепко держали веретено, перебирали нити и связывали их так же, как связывали души.

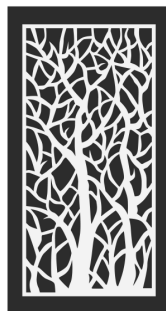
— *Пылай, мерило небесное, согрей утробы своих дочерей!*

Королевская вельва кружила вокруг Соляриса, пригвождённого к полу, — босая, погружённая в транс, заляпанная его солнечной кровью и расцвеченная ожогами от неё, как краской. Солярис узнал эту песнь — единственная существующая драконья молитва, воспетая ещё Первым Старшим, которую людям не положено знать.

Но вельва не просто знала её — она её извращала.

— *Скрепляй, мерило небесное, горячее, чем звёзды, крепче, чем закалённая сталь. Как река впадает в море, как за счастьем неизбежно горе, так два становятся одним. Сияй, пылай, скрепляй и будь неразрушим!*

Солярис взвился, растягивая лязгающие звенья цепей, и попытался раскрыть крылья, чтобы дотянуться костью-

ными гребнями до навалившихся на крепления воинов. Ярость, скопившаяся в грудной клетке, уже подкатывала к горлу жарким огнём. Он собирался выдохнуть её — выдохнуть и сжечь дотла весь замок раньше, чем вельва закончит его проклинать, — но костяное остриё веретена оказалось быстрее.

Удивительно, сколь легко вельва пробила его толстую чешую, которая была не по зубам даже метательным копьям. Солярис рухнул на брюхо как подкошенный: боль прошла всё тело от груди до хвоста и показалась Солу такой сильной, будто в него и впрямь засадили копьё.

Воздух сотряс пронзительный детский плач. Очевидно, костяное веретено настигло не его одного.

— Дракон Солярис, в Рок Солнца рождённый, дарован принцессе Рубин, рождённой в Ночь Мора. Сияй, сверкай, скрепляй!

Вельва знает не только их молитву? Она знает... его самого?

И тогда Солярис понял: боги не просто отвернулись от него — они уготовили ему участь, что хуже смерти.

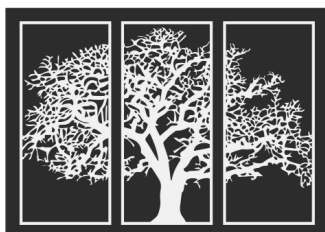
— А ты куда меньше, чем я ожидала, — сказала вельва, склонившись над Солярисом так низко, что, если бы не очередная цепь, обмотавшаяся вокруг его морды после попытки выдохнуть пламя, Сол бы откусил её разукрашенное лицо. — Впрочем, для госпожи так даже лучше.

— Виланда, — позвал кто-то. — Ну что там?

— Я закончила. Её последняя воля исполнена.

Солярис не услышал, что и кому она сказала дальше, — цепи почему-то ослабли, когда вельва бросила окровавленное веретено на пол. Недолго думая, Сол воспользовался этим: встал на дыбы, подбросил в воздух несколько кричащих воинов и, ударив вельву наотмашь хвостом, бросился к окну. Затем, не оглядываясь, оттолкнулся от рамы, усыпанной витражными стёклами, расправил крылья в прыжке...

И камнем упал вниз.

1

Короли и боги

В нашем мире сердцами людей правит четвёрка богов. Каждому из них принадлежит своя сторона света.

На Севере восседает Волчья Госпожа — мать холодов и древнего сейда, из которого вэльвы, её верные жрицы, плетут нити человеческих судеб. За Госпожой всегда следует стая верных волков, вскормленных её собственным грудным молоком, а путь им устилают трава-ворожея и животные кости. Поклоняться Госпоже означает поклоняться женской мудрости и тем силам, что должны оставаться недостижимыми для людей.

На Западе звонко смеётся Кроличья Невеста, пробираясь через вербеновые поля, — олицетворение детства, влюблённости и проказливых игр. Она несёт за собою весну, а потому не нуждается в ином одеянии, кроме как в нежном платье из белого льна. Стая кроликов с сияющим мехом следует за ней не менее верно, чем волки за Госпожой. Там, где ступает Невеста, восходят посевы, и её поцелуй хранит новорождённых да бедняков.

На Востоке хозяйничает Совиный Принц — юноша, сияющий ярче алмазных сокровищниц прошлых и будущих королей. Покровитель купцов и художников, путешественников и мудрецов, убийц и воров. Одни молятся ему, чтобы убить, а другие — чтобы не быть убитыми. Готов возложить на алтарь фамильные драгоценности с подогретым клубничным вином — и Принц будет следовать за тобой до расвета, кем бы ты ни был.

На Юге караулит границы Медвежий Страж — покровитель военных и заступник всех обездоленных, чья сила превосходит силу тысячи свирепых берсерков, а сострадание не знает границ. Сырое мясо и уважение к предкам — единственный бог, который не просит о большем. Страж следит за исходом каждой войны и каждого боя, ибо тот, кто держит в руке меч, держится за руку Стража.

Я не знала, кому из них мне следует молиться, поэтому молилась всем четверым. День ото дня, с утра и до вечера, прося лишь об одном — чтобы отец согласился. На мой тринадцатый день рождения я наконец-то получила его разрешение, а вместе с этим и исполнение своей мечты — мой первый в жизни *полёт на драконе*.

Даже самые дорогие ткани из Ши, славящегося своими искусными портными и тутовыми шелкопрядами, не ласкали кожу так, как это делал ветер над уровнем облаков. Я навсегда запомнила это

14 чувство, жжение в груди и пульсацию крови в висках. Всё моё существо кричало о том, что небеса не созданы для людей. Чешуя — жёсткая и острая, как маленькие ножи, торчащие во все стороны, — цеплялась за одежду и резала пальцы. А свист, с которым крылья резали воздух за моей спиной, оглушал и напоминал первобытную музыку.

Весь Дейдрде казался крошечным сверху, но ещё меньше казались люди, снующие по нему. Отсюда даже можно было разглядеть Изумрудное море и пики заснеженных гор, напоминающие гребни на спинах уснувших драконов. Между такими же гребнями сидела и я сама, прижавшись к хребту Соляриса животом, когда перед глазами вдруг заплесали чёрные пятна, а воздуха стало катастрофически не хватать. Слишком воодушевлённый первым за тринадцать лет полётом, Сол не услышал мой затихающий голос... А затем, окончательно забыв о моём существовании, нечаянно сбросил меня вниз.

С тех пор у нас с Солярисом появилось два незыблемых правила: никогда не летать без специального ремня, прикрепляющего меня к его гребням, и стараться не подни-

маться выше облаков, потому что, когда я оказываюсь без сознания от разреженного воздуха, поймать меня в случае падения становится ещё сложнее.

Несмотря на то что с того дня миновала уже тысяча таких полётов, во снах мне всегда являлся самый первый. Правда, в этот раз с моим сном было что-то не так... Вместо Цветочного озера, куда мы с Солярисом упали на самом деле, мы провалились в огненное пекло. Весь Дейрдре полыхал, как погребальный драккар¹ моей матери, и не осталось в нём ни людей, ни животных, ни моего дома — только бесконечный и безжалостный пожар.

Я распахнула глаза и, держась за старые шрамы под рёбрами, резко села на постели. В воздухе больше не пахло гарью и запёкшейся смолой священных тисовых деревьев — только мелисса и лаванда, набитые в подушку моей заботливой няней-весталкой. У меня ушло несколько минут на то, чтобы прийти в себя, исследуя пальцами деревянное изголовье кровати и отметины, оставленные на нём: беркана, соуло, эйваз... Оберегающий став², любовно выточенный зазубренным драконьим когтем много лет тому назад. Почему же вы, древние руны, не работаете?

— Матти, ты спишь?

Я осторожно тронула её рукой, зарытую под медвежьими шкурами на соседней подушке. Из-под них выглядывали лишь её ступни в шерстяных носках, наверняка заледеневшие, как и мои. С наступлением зимы камин переставал справляться со своей задачей, а месяц воя и вовсе был самым суровым месяцем в году. Даже растопленный тиковыми поленьями и прикормленный вином для пушного жара камин затухал и превращался в прах уже к утру, если за ним не следить. Чтобы не подхватить воспаления лёгких,

---

¹ Д р а к к а р — длинный и узкий деревянный корабль с высоко поднятыми носом и кормой. — *Здесь и далее примечания автора.*

² С т а в — комбинация рун, образующих магическую формулу, предназначенную оказать какое-либо влияние на человека или предмет.

приходилось просыпаться несколько раз за ночь и менять жаровню, снова и снова согревая постель.

Я растёрла замёрзшие ноги и, нащупав под шкурой длинную ручку, вытащила оттуда медную сковороду. К счастью, камин ещё держался. Решив не будить Матти, я сама откопала на его дне несколько тлеющих углей и горячую золу, пересыпала их на дно жаровни и, замотав ту в льняную ткань, вернула в постель. Обнаружив источник тепла, Матти тут же вытянулась и обвилась вокруг жаровни, как змея.

Цварк. Цварк!

Я стянула с ладоней копоть и запрокинула голову. Крыша ходила ходуном, но уже спустя минуту эта дрожь, сопровождаемая металлическим лязганьем, сместилась на внешние стены башни.

— Глупая ящерица, — пробурчала я, укутываясь в овчину, и направилась к двери, ведомая не столько бессонницей после кошмарного сна,

16 сколько любопытством.

За семнадцать лет посты хускарлов ни разу не менялись: я знала их расположение наизусть — пожалуй, даже лучше, чем названия покорённых отцом туатов. Тем более за воинами всегда тянулся отчётливый шлейф медовухи, без которой в месяц воя было трудно согреться, — благодаря этому их приближение чувствовалось за лигу¹. Виляя по каменным коридорам, я быстро пересекла восточное крыло и оказалась в южном, а ещё через пять минут юркнула в пристроенную башню, стоящую особняком от остального замка. В ней гулял ветер, просачиваясь сквозь трещины в камне, а со стен на меня смотрели гобелены паутин. Дойдя до последнего факела в напольном держателе, я тем самым пересекла невидимую границу... И окунулась во тьму.

Несмотря на то что башня состояла всего из одной комнаты, в ней было сложно ориентироваться на память: мебель кучковалась и часто передвигалась, будто никак

---

¹ Л и г а — мера измерения длины, равная примерно 1,2 километра, или 1200 шагам в мире Круга.

не могла найти своего места. Выставив перед собой руки, чтобы не убиться о какой-нибудь косяк, я очертила пальцами комод, а затем, шаг за шагом, добралась до письменного стола и нащупала связку свечей. К счастью, серные черенки всегда лежали рядом с ними. Выверенным движением подпалив несколько фитилей, я облегчённо выдохнула, распустив по комнате слабый свет, и огляделась.

— Как холодно, — вырвалось у меня от удивления.

Такой холод был неестественным для местного обитателя. Это настораживало едва ли не больше, чем его непосредственное отсутствие: насколько давно он ушёл, что башня успела так остыть? Я вставила свечи в настенные канделябры возле кровати, а одну взяла с собой, чтобы приблизиться к дырявому креслу, поверх которого лежала открытая книга. Жухлые страницы, затёртая обложка с рунической вязью... В той едва читалось «Память о пыли».

— А я говорил, что твоя весталка абсолютно бестолкова. Она даже не научила тебя стучаться!

17

Визг поднялся к горлу, но, так как подобное случалось не единожды, я тут же проглотила его обратно и обернулась с раздражённым выражением на лице. Если бы не глаза Соляриса, светящиеся в темноте, как огоньки ещё двух жёлтых свечей, я бы даже не поняла, что он уже здесь. Оказывается, стрельчатое окно, выходящее на утёсы Изумрудного моря, было не заперто: оно бесшумно приоткрылось, впуская Сола, и точно так же бесшумно закрылось на щеколду.

Как жаль, что я не заметила этого раньше и не заперла его на улице в назидание!

— Что ты здесь делаешь? — спросил Солярис, решив, что от испуга я, похоже, онемела. Отчасти так оно и было. — Замёрзла и снова пришла просить, чтобы я подышал огнём в твой камин? Разбуди Матти или оденься потеплее. Мне некогда.

Я осторожно приблизилась и сощурилась, пытаюсь разглядеть, что он несёт в руках с серповидными агатовыми когтями, до сих пор покрытых жемчужной ребристой че-

шуёй. Лунный свет падал на холщовый мешок, явно тяжёлый — Солярис спрыгнул с подоконника не так грациозно, как обычно. Внутри мешка при этом что-то загрохотало.

— Эй, ты слышишь меня? — Солярис сбросил загадочный мешок на постель и выпрямился. Его силуэт удлинился, а глаза — единственное, что было видно при таком освещении, — загорелись ещё ярче. — Иди спать!

— Отец убьёт тебя, если снова увидит пробоины в крыше. Ты ведь знаешь, что карабкаться по замку запрещено! В прошлый раз после твоих «прогулок» на ремонт ушла половина казны.

Солярис зажёл сразу с десятков свечей из разорённой мною связки. Для этого ему даже не пришлось искать черенки — он просто поднёс фитили к губам. В комнате резко посветлело... И потеплело тоже. Тело Сола всегда источало нечеловеческий жар, потому я и находила в его башне убе-

18 жище — и от холода, и от бессонницы, и от одиночества. Правда, не сказать, чтобы Солярис был от этого в восторге...

— Я не гулял, — сказал Солярис, когда я уже было решила, что он мне не ответит.

— Для дежурств у нас есть хускарлы и хирдманы, — напомнила я.

— Я и не дежурил.

— А что ты тогда делал?

В этот раз ответа всё-таки не последовало.

Несмотря на то что в первородном облике Солярис вешил пару тонн, из-за чего крыши под ним частенько проламывались, в человеческой форме он передвигался плавно и тихо, как сам ветер. Даже старые доски, которыми были вымощены полы башни, не скрипели от его шагов так, как от моих, хоть я и была в два раза меньше. Без единого звука Солярис обошёл постель и водрузил капающие свечи на каменные выступы в углах комнаты, что обычно предназначались для алтарей, но сейчас пустовали.

— Солярис... — позвала я, заставляя его повернуться.

Когда зернистый свет растёкся и рассредоточился по комнате вместе с расставленными свечами, глаза Соляриса погасли, сделавшись золотисто-медовыми, как пчелиные соты. В них отражалось не только свечное пламя, но и те невзгоды, что Солу довелось пережить, когда меня ещё не было и в пмине. Чешуя окончательно сползла с его фарфоровых рук, выглядывающих из-под закатанных рукавов домотканой рубашки — так же легко на улице таял снег с приходом весны. Сейчас он таял и в его взъерошенных волосах, тоже жемчужных, как украшения в моей королевской шкатулке. Они никогда не отрастали, не меняли ни цвета, ни длины — Солярис не менялся тоже, застыл на пике своей юности. Внешне он был одного возраста с самым молодым ярлом, назначенным моим отцом в прошлом году, но достаточно было заглянуть в эти красивые светящиеся глаза, чтобы понять — Сол намного старше.

— Если ты соскучился по полётам и первородному облику, то мог бы просто сказать, — прошептала я, даже не пытаясь скрыть вину, которую чувствовала за это. За его жизнь в заточении и неволе. — Моё Вознесение уже завтра. Мы сможем летать столько, сколько захотим. Главное, не нарушай запреты отца и не досаждай ему. Иначе я... не смогу защитить тебя.

19

В башне пахло старостью и пылью, но, когда здесь находился Солярис, её заполнял запах пергамента, кожаных переплёттов, мускуса и сухого тепла. Эти ароматы окутали меня, когда он подошёл вплотную. Я увидела, как смягчилось его лицо со строгими и упрямыми чертами, и уже в тысячный раз поймала себя на мысли о том, какие же у него белые брови и ресницы: те почти сливались с кожей. Зато губы горели ярко, обветренные на морозе.

Когда Солярис нагнулся ко мне, рубаша с широким воротом сползла с одного его плеча, оголяя шею. Тонкая полоса цвета запёкшейся крови, охватывающая её, была шершавой на ощупь. Я точно знала это, потому что собственноручно сняла с Сола тот ошейник из чёрного серебра, который её оставил.

— Рыбья кость, — удручённо вздохнул Солярис, смотря на меня сверху вниз, и я вспыхнула. Теперь он вздумал бросаться глупыми детскими прозвищами?! — Подойди сюда.

Он попятился и возвратился к той стороне постели, на которой лежал холщовый мешок. От близости Соляриса к канделябру по всей спальне рассыпались тени — так мерцала серьга из латуни в его левом ухе. Свет играл на всех тринадцати гранях маленького изумрудного шарика

на конце её подвески. Как только я двинулась следом за Солом, теней на полу стало в два раза больше: в моём ухе, только правом, свет приветствовала идентичная серьга.

— Что это? — спросила я, наклоняясь ближе к мешку, и тогда Солярис дёрнул за шнурок, высвобождая его содержимое. — Дикий!

Ругательство само слетело с уст, когда на покрывале передо мной рассыпались черепа. Большинство из них уже начали крошиться, мо-

20 лочно-белые после обжига в ритуальном огне, в котором торжественно сторала их плоть после смерти. Солярис протянул к ним руку и подхватил один черепок, продев в его глазницу заострённый коготь. В черепе совсем не осталось зубов и даже отсутствовала нижняя челюсть, отчего он выглядел ещё более жутко, чем остальные.

— Где ты их взял? — скривилась я, тронув черепок лишь кончиком указательного пальца, когда Солярис забавы ради протянул его мне, как увеселительную игрушку.

— Собрал трофеи после плотного ужина.

— Какого ещё ужина?! Ты сегодня ел пирог с лососем, я же видела.

— Это с позапрошлого.

Я скептически приподняла одну бровь и оглянулась на комнату. Из здешней мебели Солярис использовал только письменный стол, заваленный старыми книгами, и шкаф с одеждой, которую мне регулярно приходилось штопать у портнихи. Всё остальное занимало место коллекции ради: потемневшие зеркала и надколотые витражи, ржавые ремесленные инструменты и резные фигурки, сломанные луки и за-

тупленные мечи... Я считала это сором, а Солярис — своими сокровищами. Он находил особую прелесть в тех вещах, что другие отвергали или считали уродливыми. Наверное, то, что теперь он начал коллекционировать человеческие останки, тоже не должно было меня удивлять.

— Они из склепа Тысячи Потерь, — неожиданно сознался Солярис и выбросил крутящийся на когте черепок обратно в груды прочих.

Нет, всё-таки я удивилась. А ещё почувствовала, как даже в овечьей накидке и рядом с драконом мороз пробрал меня до костей.

— Ты вторгся в склеп хирда, павшего в битве при Рубиновом лесу?! — Я терпеливо дождалась, когда Солярис кивнёт, и только тогда закричала: — Разорять захоронения запрещено точно так же, как и ломать крышу! Если кто-нибудь узнает...

— Не узнает, если перестанешь орать как кошка, которой на хвост наступили.

— Зачем тебе останки бедных воинов, скажи на милость?

— Вечером я застал возвращение Мидира в замок. Судя по выражению его лица и грязной одежде, Красный туман снова объявился.

— Туман?... — Я осела на постель в изножье, так, чтобы не касаться разбросанных черепов, и устало помассировала пальцами занывший от перенапряжения лоб. — Дикий. Это поистине дурное известие. Но я всё равно не понимаю... Зачем ты вторгся в склеп хирда? Думаешь, если лес зовётся «рубиновым», а туман «красным», то у них обязательно должно найтись нечто общее?

Солярис снисходительно цокнул языком и, поставив локти на изножье кровати, посмотрел на меня со смесью умиления и разочарования.

— Красный цвет — цвет потустороннего мира. Недаром кровь и у людей, и у драконов красная. Мы все пришли оттуда.

— И чем, по-твоему, Рубиновый лес и Красный туман могут быть связаны?

Солярис опять ничего не ответил — только моргнул медленно, будто рептилия, которой я часто его дразнила. Возможно, отвечать ему было и нечего — о Красном тумане, уносящем по сотне человек разом в местах своего появления, было почти ничего не известно. Всё, что находили воины хирда, прибывая на место, где успел побывать туман, — это куцые кровавые облачка, стелющиеся низко к земле, словно неаккуратно состриженная овечья шерсть.

И абсолютно пустые деревни. Фермерские угодья, домашний скот и даже мебель — туман не трогал ничего, кроме самих людей. Те растворялись вместе с ним так, словно их никогда не существовало. Из-за этого никто толком и не видел, как именно приходил туман и как он исчезал, — за все полгода с момента его первого появления очевидцев набралось меньше, чем пальцев на одной руке.

Рубиновый лес сильно отличался от того, что беззастенчиво сожрало уже четверть туата Талие-

22 син и навело панику на все близлежащие земли. Ведь Рубиновый лес был страшен разве что своей историей, которая насчитывала уже семнадцать зим. Остроконечные изумрудные листья окрасились в цвет потрошённой плоти после того, как на землю пролилась кровь тысячи славных воинов хирда, полёгших в войне от драконьих когтей. Корни деревьев впитали её, а вместе с тем впитали жизнь: отныне даже зима не могла заставить листья посереть и опасть. Лес дышал, потому что его недра согревали неупокоенные души. И всё-таки он был безопасен... В отличие от тумана, который, поглощая, никогда и никого не возвращал.

— Иди спать, — сказал Солярис в который раз. — В такое позднее время даже вёльвы к сейду не взывают. Скоро начнёт светать, а у тебя Вознесение на носу. Тебе тоже не стоит сердить короля Оникса, хоть он тебя и любит.

Солярис знал, на что давить. Я заворчала, неохотно слезая с постели, и одёрнула ночную сорочку под накидкой, нецеломудренно задравшуюся до самых бёдер. Впрочем, Солярис даже бровью не повёл, уже полностью поглощённый книгой, оставленной на дырявом кресле. Что бы Сол

ни собирался делать с похищенными черепами, он явно хотел сначала дождаться моего ухода. Попытки провести его, снова расспросить или переубедить не имели смысла: там, где я была просто упряма, Солярис был невыносим.

— Эй, постой-ка.

— А?

— Вот, держи. Только цыц!

Моя ступня уже зависла над порогом комнаты, когда Солярис, как всегда, сменил гнев на милость. Порой он был так же непредсказуем в своём настроении, как месяц синиц, когда Изумрудное море не знало покоя и за одни сутки штиль сменялся штормом, а затем снова штилем. Отложив книгу и подхватив вместо неё с тумбы грушевидную склянку, помутневшую от пыли и времени, Солярис быстро наполнил её своим дыханием и впихнул мне в руки.

— Этого должно хватить, чтобы ты смогла уснуть.

Я опустила глаза на склянку, обёрнутую в лоскут ткани, чтобы я не обожглась: в закалённом стекле плескалось настоящее пламя, только искристо-синее, словно сапфиры, — самый горячий огонь из тех, который умели выдыхать драконы. У меня оставались считанные минуты на то, чтобы добраться до спальни и выпустить его в очаг. Только поэтому я ограничилась улыбкой и шепнула:

— Спасибо. А ты не читай слишком долго! Иначе опять завтра глаз не разомкнёшь.

Солярис молча уселся в кресло и, закинув ногу на ногу, уткнулся в книгу, будто мне назло. К его счастью, мне действительно нужно было спешить.

Когда я возвратилась в свои покои, по наитию миновав посты стражи точно так же, как и до этого, Матти даже не изменила своего положения на постели. Она всегда спала как убитая и наверняка продолжила бы спать, даже если бы Солярис тогда не ушёл с крыши башни, а постучался в окно и попросил его впустить. Камин же как раз успел угаснуть: я торопливо подбросила в него колбу, побоявшись открывать

её голыми руками, и несколько раз стукнула по ней кочергой, пока на стекле не проступила трещина. Голубой огонь полился наружу, и закопчённые поленья вновь вспыхнули, да так ярко и высоко, что едва не подпалили мне брови.

Довольная результатом и волной жара, прокатившейся по студёной спальне, я забралась к Матти под слой шитых медвежьих шкур. Из дальнего конца комнаты со стороны запада на меня смотрел алтарь: в предрассветный час глаза

Кроличьей Невесты всегда наливались жемчужным блеском — согласно преданиям, такого же цвета были шкурки её звёздных крольчат. В месяц воя живые цветы достать было практически невозможно, но вёльвы знали толк в обращении с дарами природы и умели подолгу сохранять их первозданную красоту. Именно поэтому алтарь, сплетённый в пирамидку из живых венков, всё ещё цвёл и благоухал, распуская по комнате приглушённую сладость вербены. Смешиваясь с за-

24 пахом лаванды, набитой в мою подушку, и запахом Соляриса, оставшемся на моих волосах, он убаюкивал. Я быстро уснула, согретая изнутри.

Правда, спалось мне пускай и сладко, но недолго.

— Драгоценная госпожа!

Сколь бы крепко или мало ни спала Матти, она всегда просыпалась с восходом солнца, будто её в детстве петух клюнул в темечко. Я застонала, пряча голову под подушку, и, кажется, случайно выбила ногой жаровню: что-то металлическое покатило по полу, грохоча.

— Драгоценная госпожа, сегодня ваш первый Совет, вы забыли? Уже почти семь утра! Драгоценная госпожа... Рубин, Дикий тебя побери, вставай же!

Матти дёрнула на себя медвежьи шкуры и легко перевернула меня на спину.

— Прошу тебя, поднимись! Или я больше никогда не буду гадать с тобой на углях! Из-за этого мы снова легли так поздно...

— Именно так и нужно ложиться накануне Вознесения, — сонно пробормотала я, свешивая с кровати ноги

и растирая слезящиеся глаза: Матти уже раздвинула шторы, и за окном оказалось так бело от снегопада, что меня ослепило. — Кто знает, когда ещё мне доведётся провести вечер в компании моей любимой молочной сестры?

Будучи старше меня на четыре года и приходясь мне не только главной служанкой, но и единственной подружкой, чья мать стала моей кормилицей, Матти всегда крайне ответственно подходила к своему «титулу». Впрочем, её работа заключалась лишь в том, чтобы следить за моим расписанием, помогать выбирать лучшие наряды и развеивать мою величественную скуку. Матти была со мной почти так же давно, как и Солярис: мы вместе учили арифметику, вместе перечитали половину книг в библиотеке и вместе таскали сливовые плюшки с кухни, а затем так же вместе получали за это нагоняи. Пусть я и не просила об этом, но порой Матти даже брала на себя вину за мои проступки, будь то разбитая ваза или дорожка из капель крови на полу, один вид которой приводил моего отца в неистовство. Будто бы справедливости ради боги наделили Матти не только львиной храбростью, но и соразмерной красотой, подобной красоте Кроличьей Невесты, из-за чего Матти всегда окружали мужчины. Но, какой бы высокородный господин ни приходил к ней свататься, она оставалась преданна лишь мне одной.

— В этом платье ты, кажется, была на приёме ярла Олвена... А этому бежевому вообще не место в шкафу! С твоей персиковой кожей ты будешь похожа в нём на бледную моль. Хм... Может быть, винно-красный... Или красно-гранатовый...

Моих нахмуренных бровей было достаточно, чтобы Матти, неловко улыбнувшись, отбросила все красные платья в сторону. Ярлы, посещающие Столицу, считали, что это страшное неуважение — не подарить мне нечто такого же цвета, как камни, в честь которых меня назвали. Именно поэтому при одном лишь взгляде на мой гардероб в глазах рябило от алого цвета, а в каждой шкатулке можно было

найти минимум пять рубиновых украшений. Уже в десять лет при виде и того и другого меня сразу начинало тошнить.

— Фиалковое! — озарило Матти, и она вскинула над своей головой фиолетовое платье с аметистовым поясом и типпетами на рукавах из тафты.

Я одобрительно кивнула, глядя на неё с деревянного табурета, на котором сонно раскачивалась всё это время.

Цвет платья напоминал мне не фиалки, а чернику, которую мы с Солом добывали на скорость, пробираясь по летнему лесу с плетёными корзинками наперевес. В этой чернике быстро оказывались и наши рты, и наши руки. Такого же цвета было небо, когда мы возвращались домой. Такой цвет был у моего детского счастья.

— Да, согласна. Замечательное платье.

Матти расплылась в улыбке с обворожительной щербинкой между верхними зубами и приня-

26

лась подыскивать мне башмаки. Сама она уже нарядилась в платье, выгодно выделяющее её пышную грудь и похожее на то, что прежде она отбросила в сторону. В отличие от меня, Матти, с её вороньими волосами, очень шли светлые оттенки, а диадема с дымчатыми бриллиантами идеально подчёркивала серые глаза с вкраплениями весенней зелени. Несомненно, Матти знала толк в моде, и потому безоговорочно доверяла её вкусу.

Подняв вверх руки, я позволила Маттиоле одеть меня сначала в нижнее платье, затем в верхнее. Усыпанное камнями, последнее весило почти как половина меня, и вскоре я почувствовала, как ноют плечи. Когда же на них легла ещё и выбитая накидка из заячьего меха, до того длинная, что волочилась за мной по полу, я едва сдержалась, чтобы не согнуться пополам.

— Зато тепло. И красиво! — как всегда, приободрила меня Матти, и я сдержанно кивнула.

По её мнению, такую красоту было неприлично прятать за длинными волосами, поэтому Матти прилежно расчесала мои локоны гребнем и забрала их на затылке фибу-

лой¹. Слитая из золота в форме трёх лунных ипостасей, фибула почти терялась в такого же цвета волосах, но зато придавала уверенности — когда-то давно её носила моя мать.

— А ты чем займёшься сегодня? — спросила я напоследок, когда, ущипнув за щёки, чтобы придать им здоровый румянец, Матти подтолкнула меня к двери.

— Подготовкой к пиру, конечно! Нужно забрать твоё платье у портнихи и масло из ветивера для ванны, созвать филидов и проследить, чтобы на кухне с блюдами никто не напортачил. Вечером соберутся все ярлы, в том числе новый ярл твоего отца, Дайре. Самый молодой и, между прочим, самый красивый, если верить слухам. — Матти многозначительно понизила голос, но, не встретив ожидаемой реакции, насупилась: — Тебе что, совсем неинтересно посмотреть на него?

— Почему же? Интересно. Он должен быть очень убедителен и хорош в политике, раз сумел понравиться моему отцу настолько, что обошёл своих старших братьев и родного дядю в очереди на трон.

Матти скривилась так, будто глотнула скисшей браги, а затем бросила задумчивый взгляд на камин, пылающий слишком бодро для зимнего утра и подозрительно отливающий синевой. В огне всё ещё потрескивали осколки разбитой склянки.

— Ох, кажется, я поняла...

— Маттиола, не начинай.

— Слушаюсь, драгоценная госпожа.

Это было моим единственным аргументом, когда речь заходила о Солярисе. Отношения между ним и Матти были чуть лучше, чем его отношения с моим отцом, но не более того. Виной всему был сам Солярис. Иногда мне казалось, что он не просто носит, а хвастается клеймом королевского зверя — привязанного, но не приручённого. Сол делал всё для того, чтобы ненависть к нему не утихла с годами

---

¹ Ф и б у л а — металлическая заколка или булавка, которая может использоваться как для украшения одежды, так и для украшения причёски.

и чтобы его не смогли принять: огрызался, ссорился, преступал закон и даже перевоплощался там, где это было неуместно. Немудрено, что новые сплетни о нём рождались чуть ли не ежечасно. Особенно Солярису нравились слухи из туалета Немайн о том, как он пожирает младенцев и спит в гнезде из их изуродованных тел. Видимо, быть покорённым врагом человечества казалось ему престижнее, чем быть его другом. Иногда я задавалась вопросом: Солярис действительно презирает людей? Значит ли это, что в глубине души он презирает и меня тоже?

Почему-то я думала об этом всю дорогу до зала Совета, пока шла в сопровождении трёх угрюмых хускарлов. Наверное, просто думать о Солярисе, неразлучном со мною против собственной воли, было проще, чем размышлять о Красном тумане, с которым я могла сражаться лишь библиотечными фолиантами и пустыми теориями.

28

Благодаря расположению на пике холма замок в любую погоду со всех сторон заливало солнце. Даже сейчас, в лютую пургу, что забелила весь пейзаж за витражом окон, солнечные лучи обтачивали серые камни и раскрашивали их в шафрановый цвет, отражаясь от специальных зеркал, развешенных под потолком по всему замку. Кованные решётки и высокие своды арок нависали над коридорами, а художественные барельефы на стенах рассказывали истории о божественных сидах и прославленной королеве Дейдре, которая произошла от них и воздвигла это место.

Зал Совета располагался в самой удалённой части замка. Из-за толстых стен слышимость здесь стремилась к нулю, и, если бы не частичная глухота отца, заставляющая говорить громче и советников, и его самого, я бы точно не смогла подслушивать Совет так, как делала это сейчас, прильнув ухом к расщелине между дверями.

— Мидир, кто-нибудь из ярлов уже в курсе?

— Никто, мой господин.

— О чём речь? Мы снова будем обсуждать туман?

— Уже десятая деревня на его счету. Считаешь, что уместнее было бы обсудить повышение налогов?

— Возможно. Вознесение предполагает минимум семидневное празднество, а это немалые расходы. Запасы драконьих драгоценностей не бесконечны. Пир Темры и так нас разорил...

— Так продай тот золотой слиток, что носишь на груди и называешь брошью. Разве эта вещичка не из сокровищницы Дейдрре?

Два мужских голоса, затеявших спор, заглушили моё тяжёлое дыхание и разбегающиеся мысли. Значит, Солярис оказался прав: Мидир и впрямь вернулся с дурными вестями...

— Прикусите языки! — Голос отца, сухой, как осенние листья, но твёрдый, как воля Медвежьего Стража, восстановил порядок и тишину в зале меньше чем за секунду. — Совет ещё не начался, а вы уже сцепились как кошка с собакой. Мидир, пока мы ожидаем, я хочу знать больше...

Голоса снова смешались. В основном я слышала Мидира, но и второй советник, Гвидион, тоже вставил пару слов. Правда, слишком тихих, а оттого неразборчивых. До сих пор молчал только четвёртый советник — за всё то время, что я морально и физически готовилась войти в зал, а заодно собирала полезную информацию, которой со мной могли не решиться поделиться открыто, голос четвёртого советника так ни разу и не прозвучал.

— Где Дикий носит этого крамольца?! — вдруг воскликнул Гвидион. — Уже давно пора начинать!

Так в замке могли обозвать лишь одного человека. Выходит, четвёртый советник до сих пор отсутствует? Тоже опаздывает, как и я? Раз так, то...

— Должно быть, вы захотите войти первой, драгоценная госпожа?

Я вмиг покрылась испариной и отскочила от двери так, будто не имела права здесь находиться. Четвёртый королевский советник, Ллеу, которому прямо сейчас Гвидион беззастенчиво перемывал кости, стоял прямо за моей спиной.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, почему именно он опоздал: румяные от пара щёки, запах елового масла и сырого дерева купальни, растянутая рубашка, на-

детая так спешно, что шнуровка на груди осталась развязанной и обнажала тело до пупка. Левая часть головы, выбритая и расписанная хной, всё ещё блестела от влаги. С правой же стороны вились вороньи косы — с них тоже капала вода. Почему Ллеу разгуливал практически голым и мокрым в такую лютую стужу, оставалось для меня загадкой, но в этом и заключалась вся суть Ллеу: чувство холода было чуждо ему точно так же, как пунктуальность или совесть. Во многом благодаря именно этому он и стал королевским сейдманом.

— Тоже увлеклись утренними процедурами и задержались? — Ллеу сложил руки за спиной и по-птичьи склонил голову вбок. — Уверен, на вас не станут сердчать так, как на меня.

— Думаю, меня там и не ждут так, как вас, — ответила я, на что Ллеу вновь улыбнулся. Впрочем, улыбаться он, кажется, не переставал даже во сне.

30

Если бы Ллеу распустил свои косы, прикрыл выбритую часть головы и сторбился, дабы замаскировать в складках рубахи отсутствие пышной груди, любой принял бы его за Матти. Не только потому, что Матти была его сестрой-близнецом, но и потому, что худощавая фигура, узкие плечи и тонкие запястья действительно делали Ллеу похожим на женщину. Черты лица у него были даже нежнее, чем у меня, а серо-зелёные глаза с кошачьим разрезом напоминали драгоценные камни на манжетах моего платья. Он будто бы всегда немного щурился, глядя на мир сквозь низко опущенные ресницы, как мой отец смотрел сквозь пальцы на его зверские практики в катакомбах. Те были далеки от того сейда, который практиковала их с Матти мать — Виланда, прошлая королевская вельва, подарившая мне Соляриса, а спустя несколько лет сгинувшая от паучьей лихорадки словно в наказание.

С тех самых пор, как Матти отреклась от наследства вельвы и сей путь вместо неё избрал Ллеу, в замке стали поговаривать, будто Виланда зачала близнецов от разных мужчин. В одну ночь она разделила ложе сначала со своим

мужем, а затем с Совиным Принцем, произведя от первого на свет Матти, а от второго — Ллеу. Мол, только это объясняло, откуда у Ллеу, как у мужчины, такие способности к сейду. И никого не смущало, что вообще-то создательницей всех тайных практик считалась Волчья Госпожа, и Совиный Принц не имел к ним никакого отношения. Из-за этого слухи звучали вдвойне нелепо. Так что если я во что-то и верила, то только в одно: Ллеу был крайне талантлив, а талантливые люди не могут быть просты.

— Я подожду здесь, — учтиво произнёс Ллеу, и улыбка, намертво прилипшая к его лицу, натолкнула меня на мысли о лисах. Если они прикрывают морду пушистым хвостом, то это не значит, что за ним не оскалены зубы. — Дам вам несколько минут.

— Благодарю, — кивнула я и, дождавшись, когда Ллеу уйдёт с прохода и спрячется за угол, кивнула хускарлам, дабы те отворили для меня неподатливые двери.

Даже Матти держала с Ллеу ухо востро. Но раз он давал мне возможность явиться на Совет первой и тем самым произвести не такое плохое впечатление, какое я бы точно произвела, явись на него последней...

— Доброе утро, благочестивые господа. Надеюсь, я не слишком припозднилась.

— Драгоценная госпожа!

На поверку зал Совета, где творилась история, представлял собой всего лишь небольшую каменную комнату, похожую на короб, — в пять раз меньше тронного зала, но в два раза больше моей спальни. Прежде я никогда не бывала здесь, но часто подглядывала за заседаниями в замочную скважину. Вблизи легендарный стол выглядел куда внушительнее: из шлифованного белого камня, словно обтянутого рыболовной сетью из яхонта, он служил не только местом заседаний, но и картой. Прямо на его поверхности был выточен весь Круг — девять туатов, названные в честь своих героев-основателей и покорённые Ониксом в ходе десятилетних завоеваний ещё до моего рождения: Найси, Дану,

Ши, Немайн, Талиесин, Керидвен, Медб, Фергус и, конечно, сам Дейдрре. Реки, леса, горные хребты и два моря по двум краям нашего необъятного мира, за одним из которых пряталась вымершая драконья обитель, — всё это тоже было здесь. Я едва удержалась, чтобы не начать лапать карту руками: интересно, какая она на ощупь? Вырезанные в камне шпили наверняка острые, а вот что насчёт городов, Столицы и нашего собственного замка? Работа мастера была настолько изящна, что, казалось, в последнем даже можно пересчитать окна...

Кроме стола в зале Совета, увы, больше не было ничего примечательного: лишь пять одинаковых стульев с резными спинками, банки с разноцветными красками для разметки обстановки на карте, вышитые гобелены на стенах и двое крупных мужчин у дверей. Те были такими неподвижными, что походили на часть декора. Парадные золотые пластины, ножны, инкрусти-

32 рованные камнями, и кожаные доспехи с ониксовыми наручами... Тех, кто служил лично королю и кого называли *берсерками*, от рядовых хирдманов и хускарлов отличала не только лучшая в Дейдрре одежда, но и нечеловеческая сила. Поговаривали, будто лишь благодаря целой армии таких берсерков мой отец и завоевал Круг, ведь они дрались яростнее медведей, а раны у них заживали так же быстро, как на собаках.

Но было в них и ещё кое-что особенное... А именно отсутствие языка в сочетании с незнанием грамоты. В период завоеваний мой отец соблюдал все возможные и невозможные меры для того, чтобы ни один его военный план не покинул этот замок. С тех пор ряды берсерков заметно поредели из-за ненадобности, грозные воины даже почти исчезли, но отец по-прежнему держал парочку из них под рукой.

— Драгоценная госпожа! — воскликнул Гвидион снова. — Мы не ожидали вашего визита...

Не обращая на него внимания, я повернулась к стулу во главе стола и, даже не успев толком рассмотреть отца,

сидящего на нём, тут же поклонилась так низко, как только позволяли платье и меховая накидка, путающаяся у ног.

— Истинный господин, я прошу дозволения занять своё законное место.

— Законное место?..

— Место дяди Оберона, истинный господин.

Я не видела отца, но кожей почувствовала, как он напругся и впился пальцами в подлокотники своего стула.

Как на человеческой руке пять пальцев, так и у короля должно было быть пять советников, включая его самого. Мой отец, король Оникс, — указательный палец: куда он показывал, туда и поворачивалась голова всего Дейрдре и остальных восьми туатов. Советник Мидир — большой палец, давящий всех нечестивых и неугодных, нарушающих покой туатов или угрожающих ему. Советник Гвидион — безымянный палец, хранитель казны и мастер торговли. До сих пор

отсутствующий Ллеу исполнял роль мизинца — несмотря на скромные размеры этого пальца, рука без него далеко не так проворна, как с ним. Ллеу нёс в себе волю богов, закрывая бреши там, где их не были способны закрыть политика, деньги или убийства. А ещё он следил за здоровьем моего отца... и отсрочивал неизбежное.

Долгое время средним пальцем, ответственным за политику, за которую теперь также вынужденно отвечал Гвидион, был мой дядя по имени Оберон. Но семнадцать зим назад, когда отец потерял своего младшего брата по вине Мора, королевская рука лишилась этого пальца. Все эти годы она оставалась неполноценной, ведь сожми кулак и увидишь — средний палец разделяет все прочие и прижимается к указательному теснее всего. Именно поэтому средним пальцем мог стать лишь тот, в ком текла кровь королевы Дейрдре.

Им могла и должна была стать я.

— Ещё рано. Твоё Вознесение завтра, Рубин.

— Верно, но вы ведь сами дали мне слово, что я приму участие в Совете накануне. А этот Совет как раз последний

перед тем, как мне исполнится восемнадцать, — напомнила я и осмелилась приподнять глаза.

Сказать, какие эмоции в этот момент испытывал мой отец, было невозможно: его лицо плотно закрывала деревянная маска из священного тиса. Лишь в прорезях для глаз мелькали васильковые радужки и молочные бельма, а в прорези для рта — плотно сжатые тонкие губы. Вот откуда по коридорам и залу тѣк бальзамический травяной

запах — с внутренней стороны маска была тщательно смазана настоем из мирта и наперстянки. Без неё здесь бы давно стоял смрад гниющей плоти: хватало несколько минут на свежем воздухе, чтобы язвы отца снова открылись. Сейчас даже его волосы были спрятаны под капюшон — от греха подальше.

Молчание неприлично затянулось. Я снова уткнулась взглядом в пол и склонилась ещё ниже. Любому другому на моём месте следовало бы

34 молиться четырём богам о том, чтобы выжить, но я могла позволить себе молиться лишь о том, чтобы не лишиться шанса уничтожить Красный туман. Ведь если меня не допустят...

— Раз дал слово, то садись.

Скрипнул стул, чиркнув ножками по каменному полу. Смахнув чѣлку и приподняв глаза, я увидела, который именно: то был свободный стул в конце стола, на который жестом указал отец и который тут же отодвинул для меня Мидир. С сердца будто упал камень. Я наконец-то выпрямилась и торопливо прошествовала к своему месту.

— Добро пожаловать в Совет, драгоценная госпожа, — сказал Мидир, придерживая мою накидку, чтобы помочь усесться. В отличие от Гвидиона, произнёсшего то же самое со скептическим прищуром, он точно поприветствовал меня искренне.

Приходясь кузеном ярлу из Медб и будучи верным цепным псом моего отца, Мидир много недель гонялся за проклятым Красным туманом, как настоящий пѣс за парой норок. Я не видела его так давно, что и не признала бы

в других обстоятельствах: за время походов каштановые волосы Мидира с сединой и бронзовыми бусинами отросли до мочек ушей, а массивную квадратную челюсть полностью спрятала густая щетина. Красный плащ, надетый поверх лёгких охотничьих доспехов, напоминал о крови, которую тот годами проливал на войнах бок о бок с моим отцом. О том же самом напоминали и шрамы, испещряющие всё его лицо. Когда мы оба устроились на своих местах, оказавшись по соседству, плечо Мидира невольно прижалось к моему: со своей комплекцией он мог в одиночку завалить медведя, а потому едва умещался на одном стуле.

— Раз с этого дня к нам присоединилась драгоценная госпожа, то теперь членов Совета официально пять, — сказал Гвидион, нервно постукивая перстнями по каменному столу. — Это значит, здесь присутствует четверо из них, что даёт нам право начать совет, не дожидаясь Ллеу.

По сравнению с моим отцом и Мидиром, закалёнными в битве и сохранившими статную форму даже на склоне лет, по Гвидиону было заметно, что он никогда не держал в руках оружие. Его лицо было круглым и рыхлым, а тело щуплым и бесформенным под шерстяной туникой и соболиным мехом. На каждой броши и фибуле, держащих этот мех, красовались руны удачи, благополучия и богатства. В отличие от тех рун, что были высечены на изголовье моей постели, эти руны явно работали — с Гвидионом наш туалет поистине процветал. Однако это наверняка стоило ему немало усилий и нервов, поскольку к сорока годам он почти полностью облысел.

— Пятый советник тоже здесь, истинный господин. Прошу великодушно простить меня за промедление!

Ллеу вошёл в зал Совета как никогда вовремя, и я мысленно прикинула, сколько минут прошло — кажется, две или три. Моя фора истекла.

Если в коридоре Ллеу стоял в одной рубашке, то сейчас на его плечах висел плащ из лиловой замши. Каждый шаг Ллеу сопровождался мелодичным перезвоном колоколь-

чиков на его плетёном браслете — всего пять: золотой для Совиного Принца, серебряный для Волчьей Госпожи, бронзовый для Кроличьей Невесты, медный для Медвежьего Стража... И чёрный ониксовый, который звенел громче других, но не принадлежал ни одному из богов. Или я просто не знала, кому он мог принадлежать.

Забавно... В коридоре этих колокольчиков на Ллеу не было точно так же, как и плаща, ведь иначе я бы его услышала. Он снимает их, чтобы передвигаться по замку незамеченным? Интересно, для чего?

— Моё терпение не бесконечно, — произнёс Оникс, и, пускай его лицо было скрыто под маской, я не сомневалась, что оно искажено праведным гневом. — То, что ты владеешь уникальными знаниями сейда, не даёт тебе уникальных привилегий.

— Каюсь, истинный господин. Я виноват.

В зале повисло невысказанное раздражение.

36 Все присутствующие здесь, включая меня, прекрасно знали, что это не первая и уж точно не последняя промашка Ллеу. До того как моего отца подкосили болезни, а Ллеу вдруг избрал от них чудодейственные припарки и рунические ставы, я была единственной, кому Оникс прощал ошибки. Чтобы убедиться в этом, достаточно было вспомнить мою первую нянечку: та оказалась голышом на морозе в месяц воя сразу после того, как, подстригая мне волосы, задела моё ухо ножами. Конечно, обычное опоздание не шло ни в какое сравнение с пролитием священной королевской крови — одним из самых страшных преступлений, по мнению Оникса, — но в молодости тот карал и за меньшее. Однако сейчас всё было иначе, и ни я, ни другие советники не переставали гадать: всё дело в старости, что сточила острые углы его каменного сердца, или же в том, что Оникс был зависим от Ллеу?

Во всём Круге простой кивок моего отца стоял в одном ряду с божественным благословением. Дождавшись его, Ллеу быстро занял своё место на краю стола. Он снова улыбался.

— Теперь можно начинать, — объявил Оникс. — Мидир! Расскажи Совету то, что уже поведал мне.

Мидир резко поднялся, задев и едва не опрокинув мой стул. Прочистив горло, он мрачно оглядел всех собравшихся и на одном дыхании отчеканил то, что обдало меня ужасом, как ледяной водой:

— Как вы уже знаете, шесть месяцев назад мы столкнулись с невиданным прежде явлением — Красным туманом. Впервые он появился на юге, в туате Талиесин, где по вине тумана всего за неделю пропало две деревни вместе с пятьюстами крестьянами. — Мидир наклонился к полке с красками у края стола и окунул два пальца в красноречивый клюквенный цвет, а затем тряхнул рукой, окропляя красными точками то место на каменной карте, о котором говорил. — Скот остался не тронут, дома и хозяйства тоже. Версия о разбое и угоне жителей в рабство для незаконной добычи руды была опровергнута после того, как тот же туман заметили на востоке туата Медб, — Мидир тряхнул рукой ещё раз. —

Последствия те же — ни одного человека в поселении. Затем это повторилось ещё в семи местах. Судя по наблюдениям картографов, туман движется хаотично, но расстояние между точками, где он возникает, не превышает трёхсот лиг. А вчера на рассвете туман появился в Найси, почти на самой границе с Дейдрре, в тени Аспидовых холмов...

На карте появилась ещё одна клюквенно-красная точка, и я поёжилась, глядя на то, как близко туман подобрался к моему родному городу.

— Есть основания полагать, что рано или поздно туман появится в Столице? — озвучил мои мысли Гвидион, неуютно заёрзав на своём стуле.

— Если так, то ему достанется более пятнадцати тысяч человек одним махом, — мгновенно подсчитал Ллеу, и его улыбка померкла. — Включая нас...

— Да, это проблема, но не первоочередная, — ответил Мидир, и оба советника уставились на него в недоумении. — Куда важнее то, что туман больше не двигается. Появившись в Найси прошлым утром и обуяв деревню Лофорт, он так до сих пор и не исчез.

— Что? Красный туман всё ещё там?!

Я лишь беззвучно приоткрыла рот и мельком оглядела остальных. Гвидион и Ллеу выглядели такими же ошеломлёнными, ведь если нам и было что-то известно о Красном тумане наверняка, так это то, что он не задерживается на одном месте дольше нескольких часов и исчезает так же быстро, как появляется. Так почему же он теперь стоит на месте?

— Какова площадь участка, который занимает туман? — спросил Оникс, даже не дрогнув. Возможно, потому что Мидир уже лично поведал ему о тумане всё, что знал, а возможно, потому что это было далеко не самое страшное, что выпадало на долю моего отца.

— Около двадцати лиг в длину и ширину.

— Вы отправили группу разведчиков? — в свою очередь спросил Ллеу. — Нельзя утверждать, что жители деревни тоже исчезли, как и все прочие,

38 если туман по-прежнему там.

— Я бы не скакал весь день напролет в Столицу, если бы уже не сделал всё от меня зависящее! — огрызнулся Мидир, вытирая окрашенные красным пальцы прямо о штанину. Никто не жаловал в Совете Ллеу, слишком юного, а оттого не пользующегося авторитетом, но Мидир не жаловал его больше всех. — Двое моих лучших солдат перестали отвечать уже через миг после того, как скрылись в тумане. Предварительно мы привязали пару верёвок к их поясам, но те будто топором перерубили... Любые попытки войти в туман и узнать, что он прячет, оборачиваются потерями.

— По крайней мере теперь у нас есть шанс, — подметил Оникс, ни разу не изменив своего положения на стуле с того момента, как я вошла в зал: локти упирались в стол, а спина была натянута, как струна. Лишь по этому и по его полуслепым глазам, мелькающим в прорезях, я могла судить, что отец всё-таки не так спокоен, как хочет казаться. — Прежде никому из наших людей не удавалось увидеть Красный туман воочию. Ты, Мидир, теперь главный его свидетель. Однако стоило отправить в туман не разведчиков, а мест-

ных вёльв. Если туман — детище сейда, вёльв он не тронет, и те сразу разберутся с ним.

— Это не похоже на сейд, — тихо сказал Ллеу, гипнотируя взглядом карту из камня. Его глаза были прикованы к месту между скалами на границе двух туатов, которые в реальности оккупировала проклятая напасть. — Тем более...

— Вёльв я отправил следом за разведчиками. Четырёх найденных в округе Найси и ещё трёх из Медб, отправленных моим кузеном, — перебил Мидир. — Сгнули тоже.

Король Оникс резко выдохнул и опустил плечи. Ллеу тут же насторожился и сунул руку под полы плаща, откуда выглядывали склянки и ритуальные ножи. Но нет, моему отцу не было плохо — так выглядела его ярость. Запоздало поняв это, Ллеу убрал руку и притих. Остальные застали тоже.

— Истинный господин. — Гвидион нарочито откашлялся и чересчур весело предложил: — Может быть, нам стоит отправить туда Ллеу? Даже если туман действительно не детище сейда, возможно, побродив по окрестностям, Ллеу, как опытный сейдман, выяснит его природу...

— Вы прекрасно знаете, что я не могу отлучаться из замка, — парировал Ллеу, и колокольчики на его браслете вызывающе звякнули, словно в подтверждение этих слов. — Я должен поддерживать здоровье нашего господина. Это гораздо важнее, чем несколько сотен чумазных землепашцев.

Лицо Мидира вспыхнуло, и он уже во второй раз едва не опрокинул мой стул, рывком поднимаясь на ноги. Пожалуй, именно нежелание лицезреть драку и последующее наказание Мидира подбросило мне те крупницы смелости, которых мне не хватало, чтобы спросить вслух:

— Туман выглядит как стена или как дым? У него есть чёткая граница?

Я бы соврала, если бы сказала, что не задумывалась об этом прежде. Вопрос сидел в моей голове с тех самых пор, как отца впервые известили о загадочном тумане, по-

жинающем людей, как осенний урожай. Каким был этот туман вживую? Насколько он плотный? Насколько непроницаемый? Что было бы, окажись я рядом с ним или *в нём*?

Король вскинул ко мне свою маску. Мне почудилось, будто прорезь для рта в ней стала шире, а уголки этой прорези потянулись вниз в недовольстве.

— Граница нечёткая, но она есть, — ответил Мидир, выдержав паузу, чтобы вернуть на место стул, сесть и снова собраться с мыслями. — Там, у деревенского тракта, растёт можжевельник... Туман не заходит дальше него.

— А каков туман в высоту?

— Не выше того самого можжевельника. Шагов двадцать или тридцать...

— Тоже с чёткой границей?

— Не совсем. Там туман рассеивается и становится похожим на дым.

— Значит, пролететь над туманом можно?

40

Лишь в тот момент Оникс понял, к чему я веду, и, прежде чем кто-либо из советников успел высказаться, поднял свою тяжёлую жилистую руку в ониксовых перстнях и отрезал:

— Ты не полетишь.

Другого ответа я и не ожидала, а потому ничуть не расстроилась.

— Разве мы не хотим узнать, что скрывается в этом тумане? Сверху я увижу гораздо больше, чем кто-либо из ныне живущих видел с земли. Это не первый мой полёт, отец. В чём дело? Будь я сыном, то уже прошла бы через десяток битв, — резко заметила я, и взгляды советников оцарапали мою кожу, как камни на манжетах, которые я незаметно трогала под столом, пытаюсь унять дрожь, дабы та не передалась моему ровному голосу. — Однако я дочь, поэтому не покидаю замка и даже не спускаюсь в Столицу...

— Отсутствие личного опыта в битвах не делает тебя хуже, как тебя не делает хуже и то, что ты дочь, а не сын, — не менее резко заметил отец, откинувшись на спинку стула. — Каждый правитель силён по-своему. И у каждого

правителя есть свои слабости. Для того и нужны советники — они усиливают первое и компенсируют второе. Так что, если ты хочешь аргументировать своё предложение тем, что тебе для полноценного Вознесения и достойного правления обязательно нужно побывать на передовой...

— Нет, я лишь хотела сказать, что полёт на драконе не сравнится с участием в войне, — сказала я, выдержав испытывающий взор полуслепых глаз. — Это мелочь по сравнению с тем, через что пришлось пройти тебе в мои годы. Именно поэтому я прошу позволить мне отправиться к Красному туману вместе с Солярисом. У меня ведь завтра день рождения. Пусть это будет твоим мне подарком.

В детстве я часто видела кровь. Она заливала щели в полу между изразцами, расходилась пятнами по коврам и смешно булькала, когда я прыгала по её лужам в своих блестящих башмачках. Кровь никогда не пугала меня, как не пугал и отец, измазанный ею до кончиков пальцев и держащий такой же окровавленный меч после расправы над теми, кого считал предателями. Забираясь к нему на колени, я делала вид, будто не замечаю, как он откладывает этот меч в сторону и вытирает багряные руки о свои роскошные одежды, лишь бы не испачкать мои.

У каждого правителя действительно есть свои слабости, и главной слабостью Оникса всегда была я.

— Сегодня в полночь соберутся восемь ярлов, чтобы вознести тебе почести и принести свои гейсы, — произнёс отец. — Это лишь первый пир цикла Вознесения, но он важнее прочих, так как именно с него начинается твой королевский путь.

— Граница с Найси пролегает всего в четырёх часах лёта от замка. Столько же времени нужно, чтобы вернуться назад. Я буду дома к заходу солнца, — больше пообещала, нежели констатировала факт я, едва справляясь с волнением.

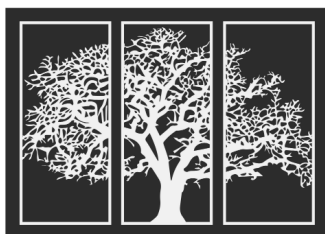
— Тогда решено. — Оникс поднялся. Все советники, включая меня, рефлекторно поднялись следом за ним. — Моя дочь, принцесса Рубин, полетит на драконе Солярисе

к деревне туата Найси, охваченной Красным туманом. Отправляйся прямо сейчас. На всё у тебя есть десять часов.

— Слушаюсь, истинный господин.

Король Оникс первым вышел из зала Совета, держась за учтиво подставленный локоть Ллеу, подоспевшего к дверям и вставшего рядом с немymi берсерками. Я же вышла последней, вопреки правилам приличий, задержавшись у каменной карты. И тут и там на ней виднелись красные отметины — засохшая краска Мидира. На белом камне она напоминала разбрызганную кровь. Я дотянулась до туата Найси и рукавом стёрла с него все красные точки, как собиралась раз и навсегда стереть с лица земли проклятый Красный туман.

2

Туман

На улице вовсю валил снег, будто кто-то выпотрошил Облака, как подушки, и осыпал землю лебяжьими перьями. Деревья, сторожевые башни и розовый сад, окружающий замок со стороны утёсов, захлебнулись в них, став безликой частью зимы.

Швырнув на постель аметистовое платье вместе с заячьей накидкой, я невольно задержалась перед окнами, любуясь на творение месяца воя, но быстро опомнилась и вернулась к сборам. К тому моменту, когда я закончила переодеваться и заплетать волосы, солнце уже приближалось к зениту. Угловой алтарь Кроличьей Невесты сиял и искрился в его лучах, усыпанный кристаллами розового кварца и вербеной. Несколько цветков пожухли и осыпались, хотя я была готова поклясться, что, когда уходила, на них не было ни одного признака увядания...

— Оставьте меня, — велела я хускарлам, когда они провели меня через южное крыло замка до обугленных факелов в пристроенной неказистой башне. Независимо от времени суток в ней всё так же царил душный полумрак, и хускарлы даже не стали спорить, молча отступив. Там, где я находила убежище, они видели логово свирепого зверя.

К их счастью, этот зверь до сих пор дрях в своей постели.

— А я ведь говорила не читать до утра!

От звука моего голоса Солярис закопошился и с головой нырнул под шерстяное одеяло, будто я могла не заметить его и уйти. Наружу выглядывали лишь жемчужная макушка

да голые ступни, белые, как сама простынь. А на придвинутом к изножью дырявом кресле скучала всё та же книга с пожелтевшими страницами в масляных пятнах. Только закладка в виде шёлковой ленты лежала на другом месте — кажется, на целых три или четыре раздела дальше, чем вчера. Немудрено, что теперь Солярис стонал, ворчал и злился, когда я, не сдаваясь, воскликнула ещё громче:

— Солярис, выбирайся из своего гнезда! У нас важное поручение от короля.

Его спальное место действительно напоминало гнездо: сбитые одеяла, ворох подушек с бахромой, меховые подстилки и размотанные клубки шерсти образовывали воронку. При свете дня в глаза ещё отчётливее бросалось то, сколько же в башне сора. Из-за тумб, деревянных стульев и прочей мебели, кучкующейся вокруг кровати, к ней было не подобраться.

44 Я цокнула языком и, не дождавшись реакции, решила действовать. В мужских штанах передвигаться было куда удобнее, нежели в юбке, так что я легко перепрыгнула скопление тумб и, не без синяков добравшись до кровати, сдёрнула с Соляриса одеяло. Из-под того выкатились черепа павших воинов хирда, разбросанные прямо между подушек.

Дикий! Он даже не удосужился убраться с постели, прежде чем лечь спать!

— Хлебнула бесстрашия из фляги Медвежьего Стража, мелочь? — Сол неуклюже смахнул черепа на пол и, закричав, перевернулся с живота на спину, до того сонный, что его глаза напоминали две узкие щёлки, а уголок рта блестел от потёкшей слюны. — Если не отстанешь, я откушу тебе лицо.

— Если не встанешь, глупая ящерица, отец откусит его нам обоим!

Я красноречиво нависла над Солярисом, явно не понимающим, насколько я серьёзна. Ему повезло, что он выглядел так мило, когда не пытался перегрызть кому-нибудь горло. Спутанные перламутровые волосы лежали на подушке веером, а кожа, молочно-фарфоровая, будто бы све-

тилась изнутри, как алебастр. Оглядев вмятину от перины на его щеке, я непроизвольно опустила взгляд ниже и внезапно обнаружила...

— Ты голый.

— Я в курсе. Так и должно быть, когда ложишься спать без одежды.

Мне на лицо будто насыпали угля из ночной жаровни: я почувствовала, как оно раскалилось от смущения, и отвернула голову так резко, что услышала, как хрустнула шея. Но, сколько головой ни маши, увиденное уже не забудешь: длинная бледная шея, острые ключицы, плоский живот с рельефными мышцами... и, к счастью, плотная простынь, скрывающая нижнюю половину туловища там, где выпирали угловатые косточки таза и маленькие жемчужные чешуйки. Те собирались гроздьями и не исчезали даже тогда, когда Сол перевоплощался. Зато в остальном тело Соляриса напоминало чистый пергамент: ни родинок, ни веснушек, ни шрамов. Безупречная, безукоризненная красота, неестественная для человека. С такой внешностью любая девица из Круга с радостью вручила бы ему своё сердце, если бы он приложил для этого всего капельку усилий. Может, то и была истинная причина, по которой человеческие мужчины ненавидели драконов столь крепко, что охотно вступили с ними в войну, едва подвернулся повод?

— Уже в четвёртый раз... — простонала я, растирая скулы, чтобы побыстрее прогнать с них румянец. — В четвёртый раз я застаю тебя голым! Ну почему нельзя спать в сорочке, как это делают все?! Ты ведь знаешь, что я часто прихожу тебя будить...

— Вот именно. Жизнь ничему тебя не учит.

Услышав скрип кровати, прогнувшейся под весом Соляриса, я облегчённо вздохнула: по крайней мере он проснулся и даже сел. С чувством выполненного долга перебравшись обратно через тумбы, я подошла к окну и открыла щеколду, выпуская на улицу драконий жар, застоявшийся в башне, чтобы впустить вместо него бодрящую морозную свежесть.

— Так о каком поручении короля ты говорила? Разве могут быть какие-то поручения, когда у тебя сегодня Вознесение?

Я облокотилась о широкий подоконник, застеленный растаявшим за ночь воском, и осторожно посмотрела на Соляриса. Тот уже натянул на себя хлопковые штаны и рубаху, однако его волосы всё ещё смешно топорщились во все стороны, и несколько прядей запутались в изум-

рудной серьге, раскачивающейся над его левым плечом. На ходу разбирая их пальцами (по непонятной мне причине он ненавидел расчёски), Солярис закрыл платяной шкаф и обернулся. Мне даже не пришлось отвечать на его вопрос, потому что, осмотрев меня прояснившимся после сна взглядом, он тут же задал новый:

— Почему на тебе лёгкая одежда?

Поразительно, что он не заметил её сразу: по сравнению с моими помпезными платьями,

46 вышитыми золотом и драгоценностями, простой доспех из варёной кожи сразу должен был броситься в глаза. Короткая куртка с песцовым мехом на воротнике, высокие сапоги, перчатки из чёрной замши и коса с лунной фибулой вместо привычно распущенных волос — зная, какими опасными бывают полёты, к каждому из них я одевалась и готовилась даже тщательнее, чем к своим дням рождения.

— Потому что мы летим к деревне на границе туата Найси, где нас ждёт Красный туман, — ответила я таким тоном, будто это было очевидно. — Оказывается, он всё ещё там, и по приказу отца мы должны пролететь над ним, чтобы попытаться разузнать больше.

Пожалуй, умолчать о том, что это я выпросила у отца такой «приказ», было действительно умным решением, потому что лицо Соляриса и без того исказилось. Он выпрямился во весь рост и, едва не стукнувшись лбом о балдахин, в один прыжок пересёк и собственную кровать, и рухлядь, которой её забаррикадовал.

— Ты спятила, Рубин?! Зачем ты вызвалась?

Я невольно щёлкнула языком. И почему Солярис так хорошо меня знает?

— Ты ведь сам хотел исследовать природу тумана. — Я кивнула на постель, по которой раскатились старые крошащиеся черепа, а затем на книгу с красноречивым названием «Память о пыли», повествующую о тех славных днях, когда древний союз королевы Дейрдре с драконами действительно чего-то стоил. — Такого шанса может больше не представиться. Когда ещё туман будет смиренно стоять и ждать нашего прихода? Моё Вознесение в полночь, так что времени у нас по горло. А летаешь ты быстро, управимся за полдня. Да-да, я знаю, если со мной что-то случится, то...

«Ты никогда больше не поднимаешься в небо», — собиралась сказать я, но Сол сказал совершенно другое, не дав мне закончить:

— Туату Дейрдре придёт конец, а вместе с тем и всему остальному Кругу, который привык полагаться на вас. Ты единственная наследница трона, Руби, а твой отец болен и находится в шаге от могилы. Ты рискуешь не только собой — ты рискуешь всем.

Иногда, когда Солярис открывал рот, мне рефлекторно хотелось осмотреть себя на наличие царапин: он часто выбирал до того острые слова, что они могли порезать физически. Зато Солярис никогда не стеснялся правды. Но почему он озвучил именно эту? Почему выбрал такой повод для беспокойства? Ведь Дейрдре не был его родным краем. Это был не его дом. И здесь жил далеко не его народ. Если меня не станет и туалет канет в пасть к Дикому вместе со всеми людьми — разве это не должно сделать Соляриса, потерявшего по их вине абсолютно всё, поистине счастливым?

— Мы не будем соприкасаться с туманом, — пообещала я, выдержав свинцовый взгляд Соляриса. Это было по-настоящему сложно: когда Сол злился, он совсем переставал моргать, отчего казалось, будто смотришь на открытое солнце. — И мы будем осторожны. Я хочу помочь своим туатам, понимаешь? Если не сделать этого сейчас, скоро мне будет нечем править.

Солярис знал, что я права. Он был упрямецем, а не глупцом — с фактами не поспоришь. Фыркнув, Сол снова распахнул дверцы шкафа и, выудив оттуда уже залежавшуюся броню, юркнул за деревянную ширму. Хоть переодевающегося Соляриса и не было видно за ней, я всё равно отвернулась к окну. Расписные витражи на нём покрылись тонким слоем инея с внешней стороны, но тот мгновенно растаял, стоило Солярису выйти и приблизиться ко мне.

— Я готов, — сообщил он, представ передо мной с пугающей решимостью в золотых глазах и в полном обмундировании. Его сборки, в отличие от моих, заняли не больше трёх минут.

В своих лёгких доспехах он напоминал фигуру, выточенную из перламутра. И кольчужная рубаха, и наручи, и штаны — всё было выковано и сшито из его собственной драконьей чешуи. Никаких вставок, никаких креплений или пуговиц, ведь лишь чешуя не расходилась по швам

48 и не приходила в негодность, а сращивалась вместе с телом Сола, когда он перевоплощался. Эти доспехи можно было с уверенностью назвать венцом кузнечного искусства. На их создание ушло больше двух лет: помимо того, что чешую крайне сложно пробить и сплавить вместе пластами, её также невероятно сложно *отделять*. А отделять пришлось прямо от Соляриса *наживую* — при помощи раскалённых игл из чёрного серебра и щипцов, оставляющих после себя жуткие открытые кровоточащие раны. Пускай Солярис быстро исцелялся, а я не принимала в этой «процедуре» непосредственного участия, она всё равно врезалась в мою память как худшая пытка на свете. Крики Сола много ночей преследовали меня, но таково было его решение, а не моё — выковать броню, что сможет стать ему второй кожей, чтобы больше не пришлось беспокоиться о наготы и новых комплектах одежды, которую он до сих пор прятал по крыше замка то тут, то там (на всякий случай вроде вчерашнего).

— Отправляемся, — сказали мы, кажется, одновременно.

Пускай Солярис сохранял невозмутимый вид, но я ну-
тром ощущала его тревогу. Она читалась в быстром шаге,
которым он нёсся по петляющим коридорам к заброшенной
башне-донжону, и в том, как он то и дело отводил в сторону
плечо, будто оно болело. Сол всегда так делал, когда его
внутреннему зверю становилось тесно в человеческой ипо-
стаси. В такие моменты я отвлекала или успокаивала его,
но сейчас я не могла успокоить даже саму себя: от лежащей
на мне ответственности и неизвестности, маяча-
щей впереди, мне было тревожно не меньше.

Благодаря плоской крыше и местоположению
вдали от посторонних глаз башня-донжон слу-
жила идеальной площадкой для взлётов и при-
землений. Когда-то давно здесь располагалась
моя детская, но сейчас в башне не осталось ни-
чего, кроме сломанных погремушек, дряхлой
колыбели и слишком размытых воспоминаний.
Обогнав Соляриса, я без сожалений пересекла
внутреннюю комнату и взобралась по короткой винтовой
лестнице на крышу, когда вдруг внезапно услышала:

— Драгоценная госпожа! Принцесса Рубин!

Зимний мороз больно кусал за щёки. Зарывшись носом
в меховой воротник, я замедлила шаг. Солярис же фыркнул,
прошёл чуть дальше и остановился у самого края башни,
уперев колено в низкий зазубренный мерлон¹. Уже по од-
ному кислому выражению его лица я, даже не успев обер-
нуться, поняла, кто именно меня зовёт.

— Гектор? Ты что здесь делаешь?

Запыхавшись от бега, на крышу следом за нами вылез
мальчишка. Ветер, свободно гуляющий по вершине башни,
тут же сбил его русые кудри в невообразимые колтуны. Не-
смотря на то что зима была в разгаре и мы все не видели
тёплого солнца уже несколько месяцев, веснушки на носу
Гектора и скулах по-прежнему горели ярче, чем звёзды
на ночном небе в месяц сапфиров.

---

¹ Мерлон — зубчатый парапет стены, промежутки в котором
предназначены для лучников и защиты крепости.

— Карта, госпожа! — закричал Гектор, укутываясь плотнее в свой шерстяной шарф и пытаясь не дать ногам в лёгкой обуви разъехаться на заледеневшем камне. — Господин Мидир велел передать госпоже карту!

Умилённая решимостью Гектора, я решила умолчать о том, что и без карты знаю расположение всех туалетов, городов и деревень, включая то поселение, где остановился Красный туман. В конце концов, к этому меня обязывало

положение, и ради этого я проводила за уроками по восемь часов в день с тех пор, как мне исполнилось три года.

— Большое спасибо, Гектор.

— Не за что, госпожа. Вот, держите, госпожа.

— Пожалуйста, перестань называть меня «госпожа» через каждые два слова. Младший брат моей молочной сестры то же самое, что и мой брат. Ты не обязан так пресмыкаться, — сказала я, послушно перенимая из рук Гектора сложенный

50 лист пергамента, когда он всё-таки пересёк крышу и добрался до меня, так ни разу и не поскользнувшись, к досаде Соляриса. — А где сам Мидир?

— Уже ускакал, госпо... Рубин. — Гектор прикусил язык. — Отправился к границе Найси, где Красный туман. Просил передать, что ему жаль пропускать Вознесение, но он обязан присутствовать там лично независимо от того, что произойдёт дальше.

— Чего же он не сказал мне, что тоже поедет? Я бы его подбросила, — ответила я шутливо, и Гектор коротко, но многозначительно хохотнул:

— Ха-ха, смешно.

Даже Солярис, раздражённо притоптывающий ногой в ожидании, ухмыльнулся. Уверена, это было одно из тех воспоминаний, что согревали его в тоскливые дни, — первый и последний полёт Мидира, который закончился для советника в навозной яме, оставив на память мучительный страх высоты. Я до сих пор чувствовала вину за то, что уговорила тогда Мидира полететь, а Соляриса *не* уговорила всё не испортить.

— О! Чуть не забыл. Брат тоже просил передать кое-что.

Гектор засуетился и просунул руку под свою стёганую накидку, откуда у него выглядывал кожаный фартук и пояс с несколькими крючками для инструментов. Судя по всему, он принёсся ко мне прямо из кузницы: от него ещё пахло горячим железом, полировочным песком и потом. Под тем же поясом, в маленьком кармашке, притаился продолговатый пузырёк размером с указательный палец, похожий на те, что складировал Солярис в своей башне для красоты и хранения драконьего пламени. Только у этого пузырька стекло шло волнами, будто застыло неправильно, а вместо пробки торчала металлическая крышка с кольцом на длинной цепочке.

— Это какое-то изобретение, оставшееся от драконов? — недоверчиво сощурилась я, забрав пузырёк и сжав его в ладони. Матовая поверхность мешала понять, есть ли уже что-то внутри. — Что оно делает?

— Не знаю. Брат сказал просто открыть его, когда ты будешь рядом с туманом. Думаю, он хочет взять пробу воздуха...

Пробу воздуха?.. Я непонимающе покачала головой, но послушно надела цепочку на шею, а сам пузырёк спрятала под меховой воротник, куда спрятала и карту. Мне никогда не удавалось понять, как устроен сейд, а уж в извращённые практики Ллеу я не хотела вникать и подавно.

— Хорошо, я тебя поняла. Вернись-ка лучше в замок, а то что-то ты совсем бледный... Ты уже принял утреннюю сыворотку, а?

Гектор вздрогнул и посмотрел на меня широко раскрытыми оленьими глазами. Те были зелёными, как свежая трава в месяц зверя, но без единого серого вкрапления, как у Ллеу или Матти. Он ни в чём не походил на близнецов, переняв вместо этого все черты покойного отца-хускарла: слишком светлые и жёсткие волосы, слишком острые черты лица и слишком крепкое телосложение. Хотя последнее, возможно, было результатом его работы в кузнице, где он трудился с ранних лет, пристроенный к королевскому куз-

нецу подмастерьем. Несомненно, Гектор мог добиться несравненных высот в этом ремесле, но кое-что мешало ему так же, как мне мешал спокойно жить Красный туман.

— Я в полном порядке, — заверил Гектор.

— С сахарной болезнью шутики плохи, дуралей, — бросил Солярис из-за моего плеча и, очевидно, вконец потерял терпение, потому что вдруг начал покрываться чешуёй: его шея, ладони и лицо стали стремительно белеть. — Хватит нянчиться с ним, Рубин. Нам давно пора вылетать.

Солярис никогда не обращался при посторонних, если только не был намерен привести их в бешенство. Или напугать до икоты, как пугал сейчас Гектора, который отличался особенно опасливым нравом. При виде меняющегося Соляриса он незаметно отступил на два шага назад, хотя Сол не был настолько большим, чтобы потеснить нас на крыше. Да, каждый год он стано-

52 вился всё больше в размерах и теперь уже мог сравниться с тремя-четырьмя лошадьми, а не с одной, как было в моём детстве. Но, если верить книжным иллюстрациям, до величия Старших драконов Солярису было ещё далеко. И всё-таки это зрелище завораживало, сколько бы раз ты его ни видел.

Чешуя расплзлась на нём всё дальше и дальше, как сумерки перед наступлением ночи. Весь процесс занимал не больше минуты: руки и ноги удлиняются, заострённые ногти становятся серповидными когтями, туловище увеличивается и изгибается, зубы превращаются в клыки, а жемчужные волосы — в такие же жемчужные гребни вдоль всей спины. Хруст костей, низкий утробный рык, золото глаз, что почти ослепляет, вернув себе природную остроту зрения вместе с природным великолепием.

Я заметила, что перестала дышать от восторга, лишь когда в лёгких начало жечь.

— Ладно, — сглотнул Гектор, отворачиваясь от отряхивающегося и разминающего мышцы Соляриса с таким же усилием, как и я. — Ухожу. Только... Последняя вещь...

— Карта есть. Пузырёк есть. Ну же, удиви меня! Что ещё ты принёс с собой, Гектор? Сокровищницу?

— Подарок.

В этот раз Гектору не пришлось долго шарить руками под накидкой — этот подарок был у него наготове, висел на том же поясе за спиной. Буквально через мгновение я увидела роскошные, блестящие от новизны наручи и перестала дышать от изумления уже во второй раз.

— Ты... позволишь мне?

Я вопросительно посмотрела на Гектора и вдруг заметила, как покраснелись у него щёки, будто измазанные в бруснике. Дождавшись, когда я протяну ему руки вместо согласия, Гектор осторожно закатал рукава моего плаща вместе с кафтаном до самого локтя — сначала правый, затем левый. Пальцы у него были грубые и мозолистые, какими и должны быть пальцы опытного кузнеца, но почему-то они ещё были липкие и влажные. Тем не менее они совсем не дрожали. Отточенным движением Гектор застегнул на моих запястьях наручи. Несмотря на внушительный вид — изящные кованые узоры с россыпью опалов по всему ободу, — наручи были едва ли тяжелее воздуха. Удобные, лёгкие и невероятно красивые, они заставили меня расплыться в улыбке.

— Какая великолепная работа, Гектор! Да тебе впору собственную кузницу открывать! Я обязательно поговорю с отцом на этот счёт.

Гектор ничего не ответил. Только застенчиво переступил с ноги на ногу и, закусив нижнюю губу, надавил указательным пальцем на боковой камень в наруче.

— А как тебе это?

Я услышала механический щелчок, а затем у моего запястья выскочило плоское лезвие, тонкое, как крыло бабочки, но явно острое и жалящее, как язык Дикого. Оно прилегало к моей ладони вплотную и будто становилось её продолжением, достаточно длинное, чтобы, всего лишь взмахнув рукой, рассечь противнику горло.

— Немайнская сталь, — сказал Гектор, пока я вертела подарок перед носом и восхищённо ахала, разглядывая его со всех сторон. — Это Матти купила опалы на своё жалование и попросила вставить их, так что сей подарок от нас двоих. В каждом наруче я также спрятал по клинку. Нужно ударить по боковым вставкам, чтобы лезвия выскочили. Будь аккуратна, ладно? Не хочу, чтобы ты поранилась. — Гектор посмотрел на меня из-под ресниц, и его пальцы сжали мои запястья, прежде чем отпустить. — Но и чтобы кто-то другой тебя поранил, не хочу тоже. Принцесс не учат сражаться, а эти наручи достаточно просты в обращении... Я собирался вручить их тебе на пиру, но, когда узнал, что ты отправляешься к Красному туману, решил сделать это прямо сейчас. Лишняя защита ведь не помешает, правда?

«Моей защиты ей вполне достаточно!»

Как славно, что вместо ревнивого ворчания Соляриса Гектор услышал лишь звериный рык.

54 Но как плохо, что из-за связующего проклятия Соляриса прекрасно слышала и понимала я.

«Прощайся с ним уже наконец! Мы теряем время.»

Сол нетерпеливо раскачивал хвостом, подметая крышу, и раздражённо хлестнул им меня по ногам.

— Спасибо тебе ещё раз, Гектор. Мне нужно идти. Обязательно сходи к брату за сывороткой! И плотно позавтракай! При сахарной болезни регулярные приёмы пищи — самое важное.

Я не услышала, что ответил на мои нравоучения Гектор, потому что мне действительно нужно было спешить. Страхнув с воротника снег, я ухватилась за гребни на спине Соляриса и подтянулась вверх, усаживаясь между ними. Затем, сняв с пояса несколько металлических колец на прочных ремнях, я буквально приковала себя к этим гребням — мера предосторожности от падений. Ведь стоит мне оказаться в недосягаемости Соляриса, не соприкасаясь с ним хотя бы кончиками пальцев, — и он падает следом, как бы широко ни распахивал крылья. Я не могла позволить себе разбиться, чтобы не позволить разбиться ему.

«А ты сама, к слову, завтракала сегодня?»

Этот вопрос застал меня врасплох. Казалось, голос Соляриса раздаётся прямо в моей голове, вибрируя в висках и затылке. Он звучал ниже, чем обычно, более глубокий, грубый и дикий, где-то на грани между человеческой речью и животным рычанием. Тем не менее я понимала его так же хорошо, как саму себя, и оттого принялась судорожно соображать, что бы такого ответить, не вызвав при этом подозрений.

— Ты тоже не завтракал, — ляпнула я вместо этого и тут же мысленно отвесила себе пощёчину, пытаюсь попутно пристроить ноги на боках Сола так, чтобы те не затекли в полёте.

«У меня нет сахарной болезни».

— У меня её тоже нет.

«Есть».

— Она прошла ещё в детстве, Солярис.

«Хочешь, чтобы вернулась? Твои приступы слабости тоже могут стоить нам жизни. Ты должна хорошо питаться. Мне что, печенье с собой таскать?»

— Дикий! Сам же торопил меня. Чего строишь из себя мою бабушку Хризолит? Взлетай давай!

На ощупь его чешуя была такой же острой, какой и выглядела: перчатки в очередной раз порвались на ладонях, пока я устраивалась поудобнее. Зато я успела согреться: в первородном обличье Сол был даже горячее, чем в человеческом. Я замлела от этого тепла, но быстро опомнилась и легла животом ему на спину, когда Солярис взобрался на мерлон башни и, не предупреждая, птицей взмыл ввысь.

Сколько бы я ни летала, каждый раз дыхание у меня перехватывало, как впервые. Благодаря жемчужно-белому окрасу Солу было легко слиться с пургой: я не сомневалась, что уже спустя минуту нас стало не разглядеть из замка. Лишь когда Солярис выровнялся и ветер перестал резать мне глаза, я позволила себе выпрямиться и осмотреть тот простор, что раскинулся под нами.

Столица казалась крошечной и какой-то игрушечной, словно та самая карта на столе Совета, вырезанная в мрам-

море. Замок Дейрдре возвышался над городом, построенный на пике холма, и смотрел на все четыре стороны света, величественный и абсолютно неприступный. Сзади него, прямо под резким обрывом, прорастали острые рифы и скалы, обтачиваемые Изумрудным морем такого же изумрудного цвета. Слева виднелись горные хребты Мела с острыми, как львиные когти, шпильями, пронзающими небо. От них замок отделяли лишь скромный кленовый лес, где мы с Солярисом

собирали чернику в месяц зверя, и то самое Цветочное озеро, в котором мне не повезло искупаться на тринадцатый день рождения. А справа от замка цвело бесхозное маковое поле, на противоположной стороне которого и стоял Рубиновый лес. Его красные верхушки даже можно было разглядеть из некоторых окон замка, но суеверные слуги избегали занимать комнаты с таким видом, как и мой собственный отец.

56

Сам город, Столица, распростирался в низине у подножия замка, обнимая его спереди и с боков, как дитя, тянущее руки к матери. Я уже видела вдалеке крыши из разноцветной черепицы, соломенные навесы хлебов и пёстрые шатры зимней ярмарки. Где-то там же горели костры, вокруг которых собирались замёрзшие горожане, и эхом, наперебой с тальхарпой¹, звучало пение флейты. Удивительно, как в такую стужу у людей не примерзали губы к музыкальным инструментам, но в этом и была вся Столица: несмотря на то что каждый туат насчитывал десятки деревень, поселений и городов больших и маленьких, лишь в главном городе Дейрдре независимо от суровости и капризности погоды днём и ночью кипела жизнь.

— Поднимись выше, — попросила я Соляриса громко, перекрикивая свист ветра. — Не хочу, чтобы горожане увидели нас. Дракон в небе знатно пугает их.

«Мы не полетим через город», — ответил он и вдруг действительно кувыркнулся в воздухе, разворачиваясь на девя-

---

¹ Т а л ь х а р п а — струнный смычковый музыкальный инструмент, похожий на лиру.

носто градусов. — *Прошлым утром у ворот Мидир назвал стражникам деревню, откуда прибыл. Лофорт, верно? Я знаю, где это.*

Я хотела возразить, но передумала: если Солярис в чём-то уверен, значит, так оно и есть. В конце концов, он, прожив почти целый век, наверняка знал об окружающем мире побольше моего — даже учитывая моё многолетнее обучение. Я покидала туалет Дейрдре всего дважды за свою жизнь — в далёком детстве, во время походов отца на туалы Кердивен и Дану. Правда, тогда он съёл несколько поселений заживо вместе с их старостами... Так что мне мало что запомнилось, кроме дыма, воплей и огня.

Чем выше поднимался Солярис, тем свирепее становился ветер и тем пуще я радовалась, что перед выходом из комнаты втёрла в губы мёд с маслом — без них мой рот давно бы превратился в кровоточащую рану. Я уткнулась лицом в меховой воротник, крепко держась за костяные гребни, а уже через пять минут увидела над нами цепкие верхушки рубиново-алых деревьев.

— Помнишь, как я потерялась здесь? — спросила я, изрядно развеселившись от нахлынувших воспоминаний.

«Хотел бы я забыть».

Мне было всего пять, когда я, ускользнув из-под присмотра няни-весталки, сбежала в лес и провела там целых три ночи. Длительный голод и холод впоследствии обернулись для меня первой стадией сахарной болезни, из-за которой я до сих пор выглядела болезненно худой на фоне пышных сверстниц, но всё бы закончилось куда плачевнее, не отыщи меня Солярис. Я запомнила немного, лишь светящиеся в темноте глаза и нахлынувшее чувство безопасности, когда он нашёл меня в куче красных опавших листьев, свернувшуюся клубочком. Кажется, Сол, как всегда, ворчал, неся меня на руках домой, а ошейник из чёрного серебра позвякивал на его шее, разъедавая ту до мяса. Уже в том возрасте я понимала, что *должна* потеряться, если хочу освободить Соляриса. Если хочу закончить его каждодневные истяза-

ния и уберечь от участи «ручного зверя». Ведь только так, вернувшись в объятия растроганного отца, я смогла упростить его снять с Соляриса ошейник в качестве благодарности и выделить ему полноценную спальню вместо стойла в конюшне.

Жизнь до этого — вот что Солярис на самом деле, как и я, хотел забыть, а не тот день, когда мы стали друзьями.

«Красный янтарь... В этом году его стало больше».

Солярис отвёл назад крылья, чтобы я, свесившись вниз, смогла разглядеть, как что-то поблёскивает меж деревьев, пробиваясь прямо из трещин в лопнувших стволах. То были застывшие градины разных форм и размеров, сверкающие, как драгоценные камни, — окаменевшая смола, что, в отличие от смолы обычной, напоминала запёкшуюся человеческую кровь.

— Хороший вышел бы урожай для спекулянтов и ювелиров, — сказала я. — Если бы только

58 они не были такими трусами.

Самый настоящий янтарь высшего качества, пусть и красный, и то не мог заманить в Рубиновый лес ни души. Даже ярлы сторонились его и старательно объезжали, пусть из-за этого путь к замку и становился в два раза дольше. Вероятно, мы с Солом были единственными, кого в силу привычки не страшил ни сам лес, ни сказки о нём: полёты над ним были обыденной частью нашего тренировочного маршрута. Почти задевая брюхом верхушки вечно красных деревьев, Солярис свернул от леса на юг и вскоре достиг устья Коралловой реки, за которой нас ждали новые поселения и леса.

«Рубин! Смотри».

Я успела задремать к тому моменту, когда показалась граница туата Найси, потеряв счёт времени после первого часа полёта. Солярис несколько раз подряд взмахнул хвостом и крыльями, встряхнувшись, чтобы заодно встряхнуть и меня. Едва не откусив себе язык от качки, я вскинула голову и часто-часто заморгала, сосредоточивая плывущий взгляд на пейзаже. Но нет, никакого пейзажа там не было

и в помине... Как бы я ни моргала, ни очертаний домов, ни деревьев, ни хотя бы снежного покрова невозможно было разглядеть.

Потому что всё пространство впереди, до самого горизонта, застилал Красный туман.

«*Мне сесть?*» — спросил Солярис.

Прежде чем ответить, я снова свесилась вниз и бегло осмотрела местность. Нас и Красный туман разделяло ещё минимум триста шагов — Солярис летел достаточно медленно, чтобы я успела принять решение. Мидир не соврал: туман и впрямь имел чётко выраженную границу. Она начиналась прямо перед многовековым можжевельником высотой со сторожевую башню, растущим на конце ухабистого тракта. Туман будто упирался в него, как в невидимое стекло. С другой стороны дерева притаилась группа солдат — хирд Мидира, бдящий за туманом, как за диким зверем. Их кожаные доспехи, бронзовые щиты и знамёна пестрели на фоне снега. Посреди дороги на подступах к деревне стояла пустая повозка, возле которой слонялась ещё пара воинов: очевидно, они перекрыли тракт, чтобы не дать случайным путникам или торговцам кануть в небытие.

— Не приземляйся, — наконец-то решила я, когда услышала ругань и проклятия хирда, задравшего головы, когда по земле растеклась, точно дёготь, огромная драконья тень. — Лети сразу к туману.

Солярис не ответил — только набрал высоту, чтобы подстраховаться. Его крылья снова заработали у меня за спиной. Верх-вниз. Взмах. Ещё взмах. Я чувствовала, как Сол напряжён, даже сильнее, чем обычно. Сейчас он напоминал стрелу, выпущенную из арбалета, — ни дюйма в сторону, только вперёд. Уже спустя минуту мы пересекли границу Красного тумана и оказались прямо над ним.

— Не дай лоскутам себя коснуться, — предупредила я, сглотнув мороз, от которого саднило в горле. Сверху туман действительно напоминал дым, тонкий и рассеивающийся, но загустевающий ближе к земле. Я не знала, что именно

нужно для того, чтобы исчезнуть в нём — просто дотронуться хотя бы до маленького завитка или же окунуться полностью, — поэтому на всякий случай поджала ноги.

«Я не тупой. Лучше за собой следи. И смотри в оба».

Так я и сделала: опять легла на спину Соляриса, чтобы свеситься вниз, и попыталась разглядеть под его брюхом хоть что-нибудь. Но увы: туман оказался слишком плотным и сквозь него не просвечивали даже крыши домов, которые, если верить моим познаниям в географии, должны были располагаться аккуратно под нами. Никаких скотных дворов и уж тем более никаких людей — сплошь одна хмарь. Вблизи она казалась ещё краснее, прямо как выдержанное гранатовое вино, и пугала куда сильнее, нежели Рубиновый лес. Даже воздух вокруг тумана ощущался тяжелее, словно я вдыхала костровую гарь.

— Пузырёк! — вспомнила я и, расстегнув ворот, выудила оттуда матовую колбу, передан-

60 ную Ллеу.

«Только не вздумай руки в туман совать!»

Я закатила глаза. И кто кого тут ещё считает тупым?

Сняв пузырьрёк с шеи, я откупорила зубами железную крышку и свесила его вниз за последние звенья цепочки. Её длина позволяла зачерпнуть туман, как половником, при этом не касаясь его, — похоже, Ллеу всё предусмотрел. Возможно, недаром мой отец полагается на него.

«Руби, что-то не так...»

Пузырёк позвякивал, раскачиваясь в воздухе, и я увидела, как внутри него скапливается туман, проникая через горлышко. Но едва он успел наполниться, как я заметила, что туман стал ближе... и лизнул цепочку в опасной близости от моих пальцев.

— Не опускайся, Солярис!

«Я и не опускаюсь!»

Уже спустя секунду следом за пузырьком с цепочкой в тумане утонула вся моя рука по запястье, и я поняла: Солярис действительно не опускался ниже — это туман поднялся к нам.

— Выше, Сол!

Мне не пришлось повторять дважды. Я едва успела сесть ровно и забросить пузырёк обратно под воротник, когда Солярис изогнулся и подорвался вверх, лихо набирая высоту. Дыхание спёрло от перепадов давления, и, вцепившись пальцами в костяные гребни, я скосила глаза вбок. Туман ничуть не отставал от нас, будто прилип к чешуйчатому хвосту Соляриса.

**«Огонь мира! Он пытается поймать нас!
Держись крепче, Руби!»**

Я жжалась в спину Соляриса и мысленно звала к четырём богам, пусть и понимала, что всё бесполезно. Ещё несколько минут назад мы парили над уровнем деревьев, и там кончались владения тумана, но теперь, даже запрокинув голову, я не видела солнца и облаков — туман был почти повсюду. Как бы Солярис ни кружил и ни вилял, тот всегда оказывался впереди, будто предугадывал все его действия. Туман был не просто надоедливый и кровожадный — он был умным и быстрым. Умнее, чем какой-то там дикий зверь, и быстрее, чем моё собственное сердцебиение, отдающееся стуком в висках.

«Нет, нет, нет!»

Не прошло и минуты, как всё перед глазами застелила алая пелена. Всё-таки обогнав Соляриса, туман окончательно сомкнулся над нашими головами.

«Не могу лететь!»

Голос Соляриса надорвался в моей голове, а затем у меня заложило уши: точно так же резко, как только что Солярис устремился ввысь, он вдруг замер и камнем полетел вниз.

От страха я даже не смогла закричать. Только вцепилась ногтями в жёсткую чешую, раздирая пальцы, пригнулась и крепко зажмурилась, готовясь к удару. Это было совсем не похоже на моё первое и единственное падение пять лет назад: тогда я была почти без сознания от нехватки кислорода, а поблизости находилось Цветочное озеро, до которого Солярису удалось донести нас, чудом подцепив меня в воздухе. С тех пор длинные шрамы на рёбрах от драконьих

когтей служили мне горьким напоминанием, что по-настоящему упасть с дракона можно лишь один раз в жизни.

Неужели этот раз всё-таки настал?

«Руби!»

Что-то толкнуло меня в грудь, заставив пальцы на костяных гребнях разжаться, и закрутило в воздухе колесом. На секунду разомкнув веки, я увидела белоснежный чешуйчатый хвост, растворившийся в тумане, — нас с Солярисом раскидало в разные стороны красного проклятия.

— Солярис!

Я не поняла, в какой момент достигла земли, и даже не запомнила удар об неё. Только боль волнами растекалась по телу от кончиков пальцев до макушки. Особенно сильно ныли колени, локти и правая щека, которой я проехала по мелким камням. Однако мне хватило сил не только открыть глаза, но даже сесть. Лишь несколько раз внимательно осмотрев себя и проверив все кости

62 с суставами, я окончательно поверила в это: никаких переломов и смертельных ран. Я была по-прежнему жива и, кажется, даже невредима, если не считать синяков, порванной одежды и разбитого виска, откуда по щеке и шее катилась кровь. Но разве...

Разве такое вообще возможно?

— Солярис! — снова закричала я, когда смогла обуздать панику и негодование. — Сол! Где ты?! А где...

Где я сама?

Хоть сверху туман и казался непроглядным, но здесь, под его толщей, он хорошо просматривался в радиусе десяти шагов. Я обнаружила, что сижу прямо на мёрзлой земле между двумя крестьянскими лачугами с покатыми крышами, тёмными окнами и соломенным настилом. Вокруг проступала обычная деревня: углы соседних домов, деревянные ограды с перегоревшими масляными лампами на крючках, заледеневшие улицы и крытые телеги, брошенные на полпути. Деревня будто застыла, как картинка. Рядом со мной, у крыльца, валялись лошадиная сбруя и седло, словно кто-то случайно обронил их, когда выходил из дома.

Неподалёку слышалось ржание лошадей, запах тоже стоял соответствующий, самый что ни на есть сельский — поблизости точно располагался хлев или курятник.

Я медленно поднялась, всё ещё не уверенная в том, что у меня не сломаны ноги, и, обтерев лицо замшей перчатки, двинулась наугад. Во время полёта до Лофорта всю мою накидку и волосы усыпал снег, но здесь, под панцирем тумана, он совсем не шёл. Лишь земля хрустела под ногами, как доказательство того, что на улице действительно стояла зима: сугробов в деревне не было тоже. Туман практически не пропускал солнечный свет, из-за чего оставалось только гадать, который сейчас час. Сразу ли я пришла в сознание? Сколько времени уже прошло? И почему...

— Почему я не исчезла? — спросила я саму себя вслух, оглядывая грязные исцарапанные руки, которые затем приставила ко рту, чтобы громко крикнуть: — Солярис!

Мой зов эхом прокатился между домами, и я содрогнулась, когда это эхо вернулось обратно, будто туман ответил мне моим же голосом. Он пах солью, дождём и медью, от которой свербило в носу. Заглядывая в помутневшие от мороза окна домов, я запрыгнула на первое попавшееся крыльцо, открыла дверь и робко просунулась внутрь.

— Эй, здесь есть кто-нибудь?

Но никого больше не было. Я проверила несколько лачуг, и все оказались пусты. Кухонная утварь, закопчённые очаги, мурлычущие на подоконниках кошки и даже остывший хлеб с замёрзшим супом на столе — всё осталось нетронутым, как и утверждал Мидир. Может, туман всё ещё оставался здесь, но людей он уже давно забрал.

— То, что я увидела... Будущее, пламенный кошмар... Это неизбежно?

— Это неизбежнее, чем зима; чем потуги девицы, которая скоро понесёт дитя.

— Но разве не ты учишь людей тому, что судьба изменчива, как погода? Что её можно задобрить и склонить на свою сторону, как разбойники каждый раз склоняют

на свою сторону тебя? Скажи мне, что делать, и я всё изменю!

В центре каждого мало-мальски крупного поселения всегда рос священный тис. Точнее, наоборот — это город строился вокруг священного тиса, там, где проросли семена богов, даруя своё благословение и разрешение обустроиться на их земле. Священное дерево неизменно возвышалось на перекресте дорог, и поселение существовало

ровно до тех пор, пока существовало и цвело дерево. Каждый месяц оно задабривалось всеми жителями, украшалось бумажными гирляндами или раскрашивалось красками из толчёных орехов и ягод. В ответ на подношения и заботу тис оберегал, защищал, объединял... И в Лофорте этот тис тоже был.

Я заметила его в тумане, как раз дойдя до перекрестка, где обычно разбивался рынок, а вместе с тем увидела и два человеческих силуэта, споря-

64 щих между собой под его голыми скрюченными ветвями.

— Эй!

Возле дерева туман становился вязким и упругим, как смола. Он почти полностью окутывал обоих людей в кровавые плащи, не позволяя разглядеть что-то, кроме золотых пластин на их одеждах и роста: один ниже, второй выше. Судя по голосам, мужчина и женщина. Однако никто из них не шелохнулся, а затем оба и вовсе растаяли, едва я успела приблизиться к ним.

Весталка рассказывала, что иногда Дикий дурит людей, являя им призраков и страшные видения. Неужели это они и есть?

Я опёрлась рукой о тис: по крайней мере он точно был настоящим, расписанный зигзагообразными узорами и отпечатками детских ладоней вдоль всего ствола. Вдобавок такой широкий, что потребовалось бы человек пять, чтобы просто обхватить его. Из-за этого я не сразу увидела, что мужчина с женщиной появились вновь, только уже по другую сторону дерева.

— Не хочешь, чтоб жар света землю обуял? Чтоб весь мир, в любви его согревшись, навечно замолчал?

Я вострепнулась, но остановила себя на полушаге. Интуиция шептала на ухо, что, если попробую обогнуть древо и подойти к призракам ближе, те снова исчезнут. И неизвестно, вернутся ли. Стоит ли рисковать? Ведь, похоже, это и впрямь не люди вовсе... Но что тогда?

— Как печально и смешно! Я бы посмотрел, хоть это и грешно, — хихикнул мужчина в тумане.

Выглядывая из-за тиса, я прищурилась, но тщетно: мгла пропускала только голоса. Мужской был высоким и медовым, то поднимающийся до звонких нот, то нисходящий на интимный шёпот. Незнакомец говорил с издёвкой, гораздо задорнее и бодрее, чем его собеседница, явно не разделяющая веселья и находящаяся на грани истерики:

— Как я могу вернуться, зная, что мой дом ожидает подобная участь?! Если есть шанс это предотвратить... Я молю тебя, на коленях молю. — И силуэт женщины действительно рухнул наземь.

Она склонила голову, почти припав лбом к земле, но мужчина напротив даже не шелохнулся. — Вы, четверо изгнанников, во имя людей отказались от божественной доли. Неужто вы оставите нас теперь? В чём же тогда был смысл вашей великой жертвы?! Молю, мой Принц, молю... Позволь мне хотя бы попытаться!

Мужчина молчал. Долго молчал. На миг я подумала, что видение — или чужое воспоминание? — сломалось и застыло, но нет. Мужчина не наклонился, только немного опустил голову, глядя на павшую ниц женщину сверху вниз... и усмехнулся.

— Как печально и смешно, — повторил он. — Жаль, что, если мир сгорит, никто уже не принесёт вино.

— Это... это значит «да»? У меня есть шанс?

— Шанс есть всегда, но нет пути обратно. Жертва неизбежна так же, как неизбежна плаха.

— Я готова, слышишь? На всё готова!

— Тогда внимай мне: Рок Солнца будет длиться вечность, но копь взрастишь в себе зерно, однажды жизни скоротечность два сведёт в одно...

— *Рубин!*

Я ахнула и отпрянула от древа. Последний голос принадлежал уже не призракам, а Солярису, чей крик прокатился по улице громовым раскатом. Туман вокруг тут же завибрировал, забурлил от недовольства. Несмотря на то что всё внутри меня требовало броситься Солярису навстречу и заключить его в объятия, я осталась стоять на месте и продолжила смотреть на таинственные силуэты, не моргая. Один из них почему-то казался мне смутно знакомым.

— *Руби!*

Крик Соляриса вдали повторился, и мужчина повернулся к тису спиной, уходя. Женщина сразу последовала за ним. Я рефлекторно подалась вперёд, отчаянно цепляясь взглядом за золотые пластины на её одеждах, которые вдруг засияли слишком ярко, чтобы туман мог скрыть их так, как скрывал лица. Я до последнего надеялась, что он всё-таки приоткроет мне что-нибудь ещё...

66 И он сделал это, расступившись на мгновение: у мужчины — штаны-шаровары, усыпанные драгоценностями так же, как и котта¹ с высоким воротником и странным плащом, напоминающим птичьи крылья. У женщины — длинное платье из тяжёлой ткани с простым, но изящным золотым поясом. Он идеально гармонировал с украшениями в её бронзовых волосах, один вид которых пригвоздил меня к месту, — тройная лунная фибула, как золотая монета в костре. Растущая луна, убывающая луна и полнолуние.

— *Руби! Слава солнцу, ты цела!*

Солярис схватил меня за руку. Его дыхание сбилось, неизменно фарфоровые щёки впервые приобрели человеческий румянец, а по белоснежной чешуе доспеха ручьями струилась кровь. Он потащил меня следом за собой так резво, что я даже не успела разобрать, откуда та льётся. Видимых ран на теле Сола не было, но я не сомневалась, что они найдутся под его одеждой. То, как Сол сгибался пополам на каждом шаге, снова и снова превозмогая боль, ясно

---

¹ Котта — туникообразная верхняя одежда с узкими рукавами.

дало мне понять, что для него падение обернулось бóльшими последствиями, нежели для меня.

Я не знала, куда мы бежим, но, как всегда, безоговорочно вверила себя Солярису. Он ловко ориентировался на незнакомых улицах, петлял меж домами и не сбавлял скорость, даже когда мы оказывались на развилке. Для меня же все тропы выглядели одинаково — красно-белые от тумана, безлюдные и неживые. Я несколько раз оглянулась на священный тис, оставшийся позади, но ничего нового там не увидела.

— Холод... Чувствую холод... Туда!

Солярис ускорился, и я споткнулась, едва поспевая за ним. Его когтистые пальцы, кольцом сомкнутые вокруг моего запястья, точно добавили мне ещё один синяк. Мы миновали облезлые поросли смородины и дикой малины, которыми, как забором, обрастала деревня Лофорт по периметру, а затем Солярис вдруг остановился и толкнул меня вперёд.

67

Потеряв равновесие, я выкатилась за границу тумана первой. Удивительно, но Красный туман легко отпустил и меня, и Соляриса, выпрыгнувшего следом. Мы будто прошли через плотную завесу дыма: на миг перед глазами всё потемнело, а в следующую секунду я уже стояла под грязно-синим небом в окружении гудящего хирда, подоспевшего к нам на помощь от старого можжевельника, возле которого они разбили лагерь. Там же горел костёр, на котором жарилась пара подстреленных белок. Огонь алчно ловил языком сыплющиеся хлопья снега, который всё ещё шёл здесь, по эту сторону тумана. Но там...

— Принцесса Рубин!

— Госпожа, вы в порядке?

— Это драгоценная госпожа! Позовите лекаря и принесите воды!

Я пробормотала что-то невнятное, вежливо отбиваясь от заботы, хотя вода и впрямь бы не помешала — голова у меня шла кругом. Но не столько от шока или падения, сколько от бега. Лёгкие нещадно пекло, сердце колотилось,

и от облепивших меня воинов становилось лишь хуже. Я выставила перед собой руки, расталкивая их, чтобы добраться до Соляриса, сидящего на земле почти у самой границы тумана: он упал сразу же, как переступил через неё. Пускай кровь уже не бежала по его доспеху, он всё равно выглядел неважно: раскрасневшийся, с прилипшими ко лбу волосами и самостоятельно вправляющий себе руку, которая всё это время, оказывается, была сломана.

— Ты как? — спросила я, опустившись рядом. Туман колыхался за спиной Сола, как море, и я следила за ним краем глаза: вдруг снова взбунтуется и попробует подойти ближе? — Давай-ка лучше отойдём...

— Хоть одна твоя хорошая идея за сегодня, — фыркнул он, неохотно опираясь на моё плечо, чтобы подняться на ноги.

Однако едва мы успели сделать пару шагов в сторону разбитого лагеря, как вокруг снова раз-

68 дались охи и крики:

— Смотрите!

— Оно уходит?..

Один из воинов выронил бурдюк, расплёскивая терпкую медовуху на снег, а затем даже снял с головы шлем, чтобы ничего не мешало ему видеть, как Красный туман уходит туда, откуда пришёл. Я никогда не думала, что это происходит так... *обычно*. Проклятый и явно потусторонний, туман тем не менее рассеивался точно так же, как и любой другой: вдруг стал редеть и светлеть, теряя свой насыщенный кровавый цвет, пока окончательно не высвободил деревню из плена. Проступили доски, покатые крыши, сараи и священный тис, возвышающийся в центре... Уже спустя пять минут никакого тумана не было и в помине.

— Уходим, — шепнул мне Солярис на ухо, и, пока все остальные бурно обсуждали, не опасно ли заходить в деревню прямо сейчас, мы под шумок нырнули за кромку леса.

— Эй, ты куда? Лагерь в той стороне! — воскликнула я, указывая пальцем на можжевельник, который Сол без

сожалений оставил позади. — Тебе нужно отдохнуть, Солярис!

— Всё, что мне сейчас нужно, как и тебе, — это избежать вопросов и подозрений. Мы оба упали прямо в гущу тумана, а потом вышли оттуда как ни в чём не бывало. Первые за всю его историю, а потому тоже проклятые, — отчеканил он, не оборачиваясь.

— Проклятые?..

— Люди считают проклятым и опасным всё, чего не понимают. Просто делай, как я говорю.

— Но...

Сол сделал вид, что не услышал мой вялый протест, продолжая пробираться сквозь притоптанные сугробы и ели, раскачивающиеся на ветру. Скрепя сердце я погналась за ним, перелезая через поваленные деревья, которые Солярис просто переступал за один шаг. Может, он был и прав — стоило сбежать от хирда, пока воины снова не окружили меня и не начали допрашивать, а ещё хуже считать осквернённой.

Ведь Красный туман уносит человеческие души. Почему же он не унёс наши?

— Сол! Я кое-что видела там, у древа... — начала я, и он сразу остановился, но не потому, что внял моему беспокойству, а потому, что впереди показался полузамёрзший ручей, бьющий из горячих подземных вод.

Почти уснувший подо льдом в это время года, он едва слышно и мягко журчал. Этот звук напоминал колыбельную, а сама вода была кристально чистой, как бриллиант. Солярис первым спустился к берегу и удовлетворённо цокнул языком. Наверняка он заметил этот источник ещё в полёте, учуяв влагу.

— Обсудим всё в замке. Сейчас тебе нужно промыть ссадины, чтобы не занести заразу. Привести себя в божеский вид тоже бы не помешало. Лицо своё видела?

— А ты себя *всего* видел? — парировала я, сложив руки на груди, пускай колени, как и висок со всей правой щекой, действительно чертовски жгло. Те стянуло коркой из грязи

и крови, но мне было абсолютно плевать. — Тебе лекарь нужен, глупец! Давай вернёмся...

— Большая часть моих ран зажила ещё к тому моменту, когда я тебя нашёл. А только что зажили все оставшиеся.

— Сколько же именно ран ты получил?

— А ты как думаешь? — Солярис посмотрел на меня без привычной насмешки в глазах. Его руки уже пробили лёд и погрузились по локоть в воду, смывая и с кожи, и с брони

коричнево-багряный налёт. — Мы упали чуть ли не с высоты Меловых гор, Руби! Я не понимаю, почему ты осталась жива и даже преспокойно разгуливаешь на своих двоих, но безмерно рад этому, потому что лично у меня было переломано больше тридцати костей.

Тридцать... костей?!

Где-то в верхушках елей захлопали птичьи крылья. Солярис хмыкнул и отвернулся к ручью, принявшись умываться. Вода быстро очистила

70

его лицо от нездорового румянца, а жемчужные волосы — от грязи и пота. Отмывать всю броню он не стал: на белоснежной чешуе запеклось так много крови, что проще было нырнуть в этот ручей с головой. Я содрогнулась от мысли, как же, должно быть, Солу было больно... И всё-таки он поднялся, чтобы найти меня. Опять.

— Тебе повезло, что ты родилась в рубашке, а мне повезло, что я молод, — продолжил Солярис, когда закончил приводить себя в более-менее приличный вид, и, выбравшись из мелководья, поднялся ко мне на крутой склон. — Будь я хотя бы на сто лет старше, мне бы неделю себя по кусочкам собирать пришлось.

Я удивлённо хмыкнула, но быстро вспомнила: чем взрослее дракон, тем он крупнее, но и тем больше времени ему нужно для восстановления. Большинство книг о драконах были уничтожены во время войны, поэтому долгое время мои знания ограничивались тем, что драконы умеют летать и извергать пламя, зовущееся *солнечным*. Несомненно, Солярис мог поведать мне гораздо больше... Жаль только, что он почти никогда этого не делал.

Отряхнув мокрые волосы, Сол нетерпеливо кивнул на ручей, давая понять, что теперь моя очередь. Я послушно спустилась к берегу и села на корточки подле пробитого льда, когда вдруг заметила, что Солярис спускается следом.

— Вот уж умыться я точно сама могу! — воскликнула я, остановив его жестом. — Не маленькая.

Сол лишь пожал плечами и, вернувшись на пару шагов назад, осел под елью, наблюдая, как я стягиваю с рук замшевые перчатки и запускаю пальцы в ледяной поток. Несмотря на то что на улице стоял месяц воя, это было невероятно приятное чувство: холод остудил израненные пальцы, а заодно прояснил рассудок. Без зеркала умываться было сложно, но я на ощупь стёрла с лица всю грязь, не забыв промыть разбитый висок и длинную царапину под самой челюстью — та шла почти от уха до уха. Падение меня не убило, но теперь это наверняка сделает Маттиола.

— Солярис...

— Я же сказал, что мы обсудим случившееся дома, при Совете и твоём отце. Мне надо подумать.

— Я не об этом хотела поговорить. Можешь рассказать о Роке Солнца?

Я услышала, как хрустнули ветки, на которых сидел Солярис, и повернулась, параллельно смывая кровь и прилипший снег с коленей под порванными штанами. Почему-то я не сомневалась, что даже если подвесить Соляриса над обрывом, он и тогда сохранит надменный бесстрастный вид. Эта его способность восхищала меня едва ли не больше, чем его первородный облик. Но вот Солярис повёл плечом, будто стягивая невидимый плащ, и я поняла — он притворяется.

— Нелепо, — ответил Сол.

— Что нелепо? — спросила я.

— Просить меня рассказать о том, о чём и сама всё знаешь. Не твой ли прадед погиб от последнего Рока семьдесят лет назад?

— Да, так и есть. Я знаю о Роке Солнца, но знаю как человек, поэтому и спрашиваю тебя, дракона. Что *вы* знаете о нём?

Солярис заколебался, но затем тяжело вздохнул, безмолвно соглашаясь с моей просьбой. Запрокинув назад голову и прижавшись затылком к стволу дерева, он закрыл глаза. Снег оседал на его пушистых и почти бесцветных ресницах, пока он говорил, а я тем временем осторожно плескалась в ледяном ручье, внимательно слушая:

— У нас Рок Солнца любят называть Тысячелетним Рассветом. Тебе повезло, что ты уже умрёшь к тому моменту,

когда он повторится снова. Из-за того, что все трое суток солнце не заходит за горизонт и раскаляется до предела, даже камни начинают плавиться. Несчастные люди прячутся в погребах своих замков, а те, у кого замка нет, получают солнечные ожоги и умирают в муках. Животные, которые не умеют рыть глубокие норы и хорошо прятаться, или хрупкие породы деревьев умирают вместе с ними. Для человечества это великая катастрофа, случающаяся раз в тысячу лет, но для драконов — великий

72 праздник, которого мы ждём целыми поколениями. Мы любим жар, поэтому в Рок Солнца чувствуем себя комфортнее всего. Свирель, блюда из сахарного тростника, танцы сородичей и смех молодняка с детёнышами, которые впервые видят, чтобы солнце горело так ярко... Повсюду зажигаются костры, будто на улице недостаточно жарко, и расставляются зеркала, чтобы даже окаменевшие от тоски драконы могли насладиться светом в полной мере. Город не спит все трое суток, гуляет и веселится. Те, кто уже нашёл свою пару, стараются сыграть свадьбу в эти дни, якобы это сулит большое потомство. П-ф...

Когда Солярис говорил, его глаза оставались закрыты, но на губах цвела улыбка, которую он позволил мне увидеть лишь потому, что думал, будто я слишком занята омовением и не смотрю на него. Но я смотрела... И вина, растущая с самого детства, стала скрестись изнутри. Как бы редко Солярис ни говорил о доме, он делал это с любовью, благоговением и грустью. Как бы чопорно он ни выглядел, живя своей новой жизнью, он скучал по старой. Он жутко хотел домой.

— Звучит действительно прекрасно, — слабо улыбнулась я, любуясь им, в кои-то веки безмятежным и замечтавшимся о житейских радостях. — Судя по рассказам, ты тоже праздновал Рок Солнца семьдесят лет назад, да?

— Нет, семьдесят лет назад я родился. Как раз в последний день Тысячелетнего Рассвета.

Я открыла рот, но снова закрыла его, принявшись загибать пальцы и считать. Солярис родился в седьмой день месяца пряжи — я точно знала это, потому что каждый год собственноручно пекла вместе с кухонным мастером его любимые голубичные тарталетки с пышной верхушкой из лимонной меренги. И потому что в этот день Солярис ворчал сильнее обычного, становясь совсем неносным. А семьдесят лет назад мой прадедусшка погиб в восьмой день того же месяца... Всё сходилось, но оставался последний вопрос.

Почему я столько лет живу с Солярисом, но узнаю о таких закономерностях только сейчас? И, главное, почему они мне так не нравятся?

«Рок Солнца будет длиться вечность, но коль взрастишь в себе зерно, однажды жизни скоротечность два сведёт в одно».

— Скажи, Солярис... — Я прочистила горло и сделала вид, что очень увлечена кругами, расходящимися по воде, и тем, как дрожат в ней мои вконец обледеневшие пальцы. — А может быть такое, что однажды Рок Солнца будет длиться дольше, чем три дня? Может ли он действительно длиться... тысячу лет? Или целую вечность?

— Вечность? — переспросил Сол, и его насмешливый тон немного успокоил меня. — В мире не существует ничего вечного. Кроме твоей непутёвости, конечно.

— Я серьёзно.

— Если бы Рок Солнца длился вечность или хотя бы тысячу лет, Руби, наш мир превратился бы в пепелище. Люди так уж точно. Ты же...

Солярис умолк на полуслове и, распахнув глаза, вдруг подскочил на ноги. Всего за несколько шагов он спустился

к ручью и даже не заметил, как случайно погрузился в мелководье по щиколотку, когда навис надо мной. Его плечо снова дёрнулось в сторону, а глаза, золотистые и искрящиеся, забегали туда-сюда по моему лицу так, будто Сол увидел меня впервые. Я занервничала, потянувшись к щеке — может, плохо смыла кровь? — но не успела спросить, что не так.

Солярис протянул руку к моим волосам:

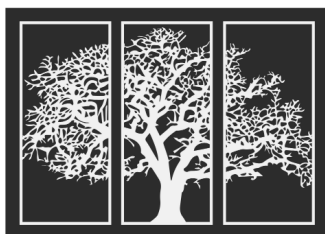
— Нехорошо...

— Что плохо?

Кадык Соляриса дёрнулся, а сухие губы, потрескавшиеся на морозе, сжались в тонкую линию. Он аккуратно поддел заострённым ногтем ту прядь волос, что лежала за моим ухом, и вытянул её, накручивая на свой палец так, чтобы я увидела.

— Вот это, — прошептал Солярис, и мы оба уставились на локон, который ещё утром, когда я причёсывалась, был таким же медово-песочным, как и все остальные.

Теперь же он был рубиново-красным.

3

Вознесение

Из наполненной до краёв ванны и чугунной печи в центре купальни поднимался душистый травяной пар. Вода окрасилась в светло-розовый от плавающих в ней лепестков незабудок, дикой мяты и макового масла, впитываясь в размягчённую кожу вместе с горько-сладким ароматом ушедшего лета. Я позволила телу обмякнуть, свесив руки с деревянных бортиков, и закрыла глаза, представляя, что раскачиваюсь на волнах безмятежного Изумрудного моря, — даже своими формами и размерами ванна походила на рыбацкую лодку. А звук, с которым Маттиола подливала из кадки горячей воды, отдалённо напоминал шум прибоя, который можно было услышать из восточной части замка по утрам. Мою иллюзию портила лишь сама Матти — она суетилась, перебежала с места на место, не зная, что ещё сделать, дабы привести меня в надлежащий вид.

— Не дёргайся.

Скребя пестиком по месиву из растёртого зверобоя и голубой глины, Матти нависла надо мной и растёрла вязкий нагретый бальзам почти по всему моему лицу.

— Ой-ой, жжётся!

— Сказала же, замри! По-другому эту гематому не убрать.

Я притихла, стиснув зубы. Никто бы не захотел сердить Матти дважды, если бы пережил то, что пережила я по возвращении из Лофорта в Столицу. При виде меня, побитой и грязной, она закатила такую истерику, какой предавалась

на моей памяти разве что в детстве на похоронах крольчонка Ярла Белая Шёрстка, которого Мидир однажды поймал нам на охоте. Однако даже тогда Матти успокоилась гораздо быстрее, чем сегодня.

— Ты была такой красивой! Такой красивой! — причитала она, рыдая в три ручья и прыгая передо мной, как цапля, когда я, едва держась на ногах после нескольких часов полёта, брела в зал Руки Совета. — В какой ужас превратилось твоё личико теперь! Твоё бедное, бедное личико... Это конец!

— Матти, ты говоришь так, будто мне лицо разъела хворь. Это всего лишь синяк и пара ссадин.

— Синяк и ссадины прямо накануне Вознесения! Хуже и быть не может!

За Маттиолой и прежде наблюдалась склонность к драматизму, поэтому я надеялась, что она успокоится к тому моменту, когда я поговорю с отцом и вернусь в покои, чтобы полноценно

76 подготовиться к пиру. Так оно и оказалось: всего за час, что мы с Солярисом пробыли у короля Оникса и советников, Матти собрала целую тележку со склянками, мазями и припарками, готовая драться за мою красоту не на жизнь, а на смерть.

— Сегодня все будут смотреть на тебя, будущую королеву девяти туатов. Ты обязана сиять! — всё ещё в слезах, но решительно заявила она, хватая с тумбы бархатистые полотенца. — Я не позволю тебе быть уродиной!

— Что? По-твоему, я сейчас уродина?..

— Марш в купальню!

И вот я здесь — терплю десятую процедуру подряд в попытках Матти свести с моего лица следы недавних приключений, от которых всё ещё голова шла кругом. Одна мазь сменяла другую, горчица чередовалась с птичьим помётом, а со лба Матти капал солёный пот... И всё-таки это было приятнее, чем допросы и лекари, которые наводнили зал Совета, стоило мне сообщить, что я побывала в сердце Красного тумана.

— Истинный господин, наверное, пришёл в ярость, — поёжилась Матти, когда я закончила рассказывать ей

всё то же самое, что рассказала отцу, и даже чуточку больше.

— Отец скорее испугался, — ответила я, немного подумав. Мои веки были плотно сомкнуты, и я чувствовала пальцы Матти в своих волосах. Она тщательно втирала мне в кожу головы апельсиновое мыло, вычищая грязь и дурные мысли. — Если он на кого-то и разозлился, то только на Соляриса. Сразу выгнал его из зала, стоило мне дойти до той части доклада, где мы упали. Будто он в чём-то виноват... К счастью, мой последующий рассказ так шокировал Совет, что отцу стало не до Сола. Никто, даже Ллеу, не понимает, почему туман нас не забрал.

— Ну главное, что не забрал, так ведь? Пускай мой братец сам голову ломает, это ведь работа сейдмана. — Матти фыркнула мне на ухо, и я почувствовала, как с кончиков волос побежала вода, когда она опрокинула очередную кадку мне на голову. — Ты уже отдала Ллеу тот пузырьёк, наполненный туманом, да? Значит, твоя задача выполнена. Теперь побеспокойся лучше о празднике.

— Эх, вот бы у меня и впрямь не было других поводов для беспокойства, кроме праздника...

Приоткрыв один глаз, я нашла пальцами рубиново-красную прядь волос, спутавшуюся с остальными. Даже на ощупь она словно отличалась от других: какая-то жёсткая, непослушная. На цвет локонов был ещё неприятнее, будто перепачканный в крови, которую не сумело отмыть даже мыло. Этот цвет тянулся до самых корней волос, из-за чего прядь, пусть и была шириной всего в указательный палец, ярко бросалась в глаза.

— Может, отрезать ее? — предложила Матти, многозначительно щёлкнув швейными ножницами, которыми ещё пятнадцать минут назад подрезала нити на моём новом платье, давая мне время спокойно полежать и отмокнуть в цветочной ванне.

— Сол велел не трогать, — напомнила я не столько Матти, сколько самой себе, ведь мне тоже жутко хотелось это сделать. Мысль, что нечто *пометило* меня, была почти

невыносима. — Неизвестно, что произойдёт, если мы её отрежем.

— Хм, тогда я спрячу локон под заколкой с рубинами. Она хорошо замаскирует его. И прекрасно подойдёт к платью!

— Спасибо, Матти.

Меня восхищали жизнерадостность Маттиолы и её способность исправить любую проблему, от побитого лица до проклятия. Я села в ванной, разгоняя по воде мыльные

круги, и сложила на груди руки, пока Матти втирала соляной скраб в мои лопатки и позвоночник — те тоже покрывали чернильные синяки. Мне пришлось закусить нижнюю губу, чтобы вытерпеть это, особенно когда она взялась за мочалку из жёсткой шерсти с деревянными бусинами и принялась со всей душой соскребать с меня грязь.

— А что истинный господин сказал о твоём видении? — продолжила расспрашивать Матти.

78

— Об этом я ему не говорила, — честно призналась я, снова морщась, когда к соляному скрабу присоединилась зола.

— Почему?! — Матти с грохотом поставила кадку на каменный пол. — Я понимаю, по какой причине ты не рассказала господину о красном локоне, но, по-моему, уж о видении ему стоит знать. Если ты правда видела королеву Неру...

— Я не уверена в том, что видела. — Я вдохнула в себя густой пар и опрокинулась спиной в воду, чтобы смыть скраб. Брызги случайно попали на Матти, и та отскочила в сторону, громко ойкнув. — Моя бабушка, прабабушка, какая-нибудь тётя... Эту фибулу с лунными ипостасями мог носить кто угодно до меня и мамы. Я ведь даже не помню, какого цвета волосы у неё были... Отец давно попрятал все портреты. Любое упоминание о королеве Нере для него — стрела, пущенная в самое сердце. Представь, что будет с ним, если я вдруг скажу, что видела её воочию. Вот почему я сначала сама хочу во всём разобраться. Только ты и Солярис знаете об этом красном локоне и о том, что я

видела тогда у священного тиса. Пусть пока оно так и остаётся.

Матти широко улыбнулась, водрузившись на бортик ванны, пока я тщательно тёрла мокрым полотенцем лицо, избавляясь от остатков липкого бальзама. Румяная и влажная от пара, она даже не пыталась скрыть, насколько польщена моим доверием. Ровно настолько же я была польщена тем, что могла поделиться с Матти чем угодно и не бояться за сохранность своих тайн.

— А что сам Сол думает о произошедшем? Он ведь гораздо старше нас, даже старше истинного господина! Может, у него есть какие-нибудь мысли на сей счёт...

— Хотела бы я знать, — вздохнула я, швыряя полотенце в сторону. — Солярис не из тех, кто делится своими мыслями. Даже со мной.

Сол действительно ничего не сказал мне ни насчёт видения, ни насчёт красной пряди, пока я рассказывала ему в полёте всё как на духу, не сумев дотерпеть до замка. На Совете Солярис молчал тоже. Впрочем, там это было уместно: пускай лицо отца и скрывала маска из тиса, распускающая по залу терпкий аромат наперстянки, я знала, что он смотрит на Соляриса не моргая, уже заведомо виня его во всех приключившихся со мною бедах. Попробуй Сол выступить, отец бы не ограничился одним изгнанием из зала и приказал бы либо выпороть его, либо снова нацепить на Сола ошейник из ядовитого чёрного серебра.

— Я отнесла Солярису в башню парадный костюм, пока вас не было, — сообщила Матти, когда я выбралась из ванны, шагнув через бортик на расстеленное полотенце. Она тут же подорвалась и завернула меня в точно такое же, только сухое и чистое. — У меня сохранились его старые мерки, так что я передала их портнихе вместе с заказом на твоё платье. Костюм удался на славу! Надеюсь, Сол не откажется надеть его. Праздник-то не весть какой, а Вознесение!

— Пусть надевает что угодно, лишь бы вообще пришёл, — пробормотала я, вспоминая, что, когда вышла

из зала Совета, Соляриса, который должен был дожидаться меня снаружи, уже и след простыл. Я не рискнула идти за ним в башню, потому что знала: — Не повезло же мне родиться в ночь с тридцать третьего дня месяца воя на тридцать четвёртый... Спустя несколько часов после начала Мора. Солярис никогда не рассказывал, кого именно потерял тогда в драконьем городе, когда казнили дядю Оберона и началась бойня, но, думаю, именно из-за этого он

всегда уходит в себя во время моих дней рождения. Утренний полёт отвлёк его, но, стоило нам вернуться, как он снова погрузился в тишину. Так что я не жду от него многого, тем более что мой отец не рад присутствию Сола на празднествах так же, как и на советах. Хотя, возможно, черничные тарталетки вполне могут убедить Соляриса рискнуть...

— Поверь, он придёт, и не ради тарталеток, — насмешливо протянула Матти из-за моей спины.

80 Не дав мне обернуться, она резко усадила меня на высокий стул и, поглядывая на песочные часы на очаговой полке, приступила к сборам.

Ни один пир прежде не имел такого значения, как этот, когда ради меня съедутся все восемь ярлов, включая их семьи, хирды и приближённых. Прекрасно помня об этом, целых два часа Матти вертела меня на стуле и так, и эдак, причёсывая и иногда щипая за щёки, чтобы не дать мне заснуть. В какой-то момент она просто впихнула мне в руки зеркало, и я обомлела: бесчисленные лечебные мази оказались вовсе не бесполезны! Тон лица улучшился, длинная царапина вдоль подбородка побледнела и почти слилась с кожей, а синяк на виске чудодейственным образом рассосался. О недавнем падении напоминала лишь корочка крови, оставшаяся над уголком брови, но Матти ловко спрятала её, распустив мне чёлку. Точно так же она спрятала рубиново-красный локон, вплетя его в одну из четырёх кос. Те покоились у меня на плечах, в то время как остальные волосы лежали за спиной, распущенные. Голова ныла и невольно кренилась вбок от количества заколок и драгоценных камней.

— Может, хотя бы сегодня наденешь нормальные серьги? Желательно сразу две, — саркастично предложила Матти, легонько дёрнув меня за изумрудную серьгу в правом ухе, на что я яростно затрясла головой. — Ладно-ладно, как скажешь. В новом платье ты всё равно всех затмишь. Ах, недаром портнихи из Ши считаются самыми лучшими! Недаром!

В чём в чём, а в этом Матти точно была права: заказанное ею платье не только сидело идеально, точно вторая кожа, но и выглядело безупречно. Лишь мастерицы из самого южного туата на краю континента могли так искусно подобрать цвет на стыке лазурного и аквамаринового, совместив тяжёлый дамаст с шёлковым кружевом. Из первого был сшит подол, закрывающий даже ступни, а из второго — всё остальное, включая обтягивающие рукава с золотыми пуговицами и ворот с разрезом до ключиц. Матти затянула широкий пояс так туго, что мне стало нечем дышать. Я невольно скосила на него глаза, читая руническую вышивку как пожелание и завет: турисаз, ансуз, кеназ. Власть, мудрость, воплощение задуманного.

— У меня есть одна просьба, — сказала Матти, когда закончила втирать мне в губы сок шелковицы и покрыла ресницы тонким слоем сажи. К тому моменту в часах уже заканчивался песок, а на небе за стрельчатым окном висела полная луна. — Можешь кое-что сделать ради меня сегодня?

— Что именно?

— Прошу, как следует повеселись на пиру.

— Ты это серьёзно?

— Да. Я хочу, чтобы твоё Вознесение запомнилось тебе навсегда, иначе у тебя совсем не останется иных воспоминаний о юности, кроме Соляриса и однотонных дней в библиотеке. Будь принцессой, но хотя бы на один вечер перестань быть наследницей.

Я не стала спорить. Только кивнула и села ждать, пока Матти сама примет ванну и принарядится. У неё это, в отличие от меня, заняло не больше получаса, но выглядела она

не менее великолепно: серебряные фибулы в её забранных чёрных волосах смотрелись как звёзды на ночном небе, а благородное серое платье из парчи подчёркивало глаза такого же цвета, кошачьи, как у Ллеу, но совсем бесхитростные.

— Принцесса Рубин из рода Дейдрре! — торжественно вскричал Гвидион, стоило мне переступить порог Медового зала в сопровождении Маттиолы. Скрип десятков отодвинутых скамей больно резанул слух, когда все присутствующие разом повскакивали со своих мест.

Если уж советник Гвидион и умел делать что-то лучше, чем пополнять казну, так это готовить праздничный чертог. Всё утопало в пёстрых атласных лентах, свечах и красно-чёрных знамёнах с гербом, похожим одновременно и на щит и на круглый драгоценный камень с восемью гранями. Медовый зал мог вместить в себя порядка тысячи человек, а в ночь Вознесения здесь собралось и того больше. Девять длинных сто-

82 лов — по одному для каждого из туалетов — ломились от яств в серебряной посуде, над которыми кухонные мастера корпели всю неделю: жареная макрель с пряностями и лесными орехами, рагу из кабана с брусникой, вымоченная в чесночном масле треска, копченые колбасы, сладкий бисквитный рулет... В огромном бронзовом чане я заприметила даже бурлящий молочный суп из моллюсков, добыть которых в месяц воя было так же непросто, как пересечь Кипящее море на деревянном плоту.

По краям каждого стола возвышались головки козьего сыра с лоханками скира¹, а в центре — несколько графинов с медовухой и тёмным элем. В углу стояло ещё около сотни дубовых бочек с крепкими напитками, но, прекрасно помня поговорку «Короткий пир — короткая слава», я сомневалась, что и этого хватит. Пир в честь Вознесения длился минимум семь дней, а Вознесение отца, согласно летописи, и вовсе продолжалось две недели. Я могла лишь догады-

---

¹ Скир — молочный продукт, нечто среднее между сметаной и творогом.